

Искорка

1975

№ 9

Искорка

СЕНТЯБРЬ ● 1975

год издания XIX

газета
«Ленинская
искорка»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

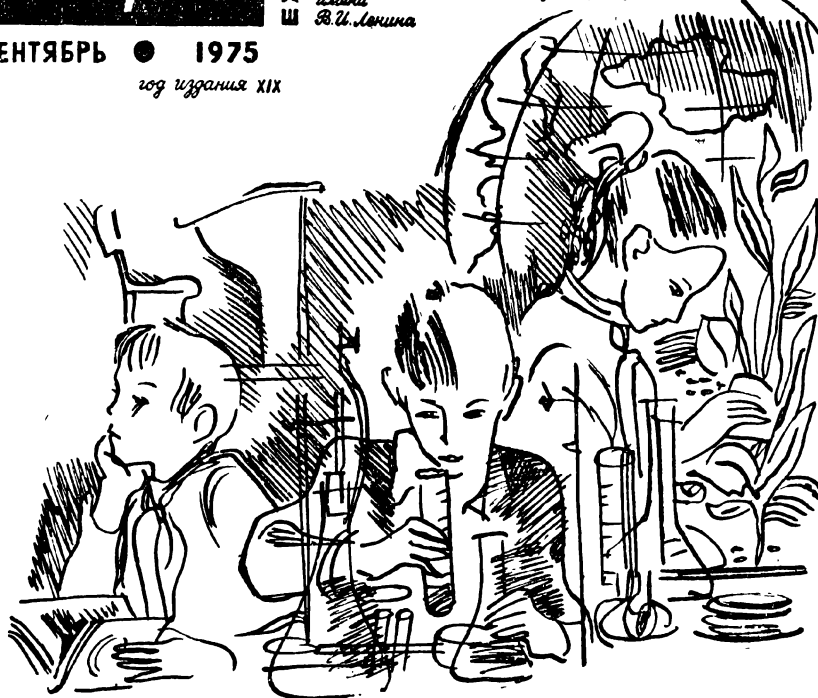

Рис. Ю. Шабанова

Е. ГОЛУБКОВА

* * *

Догорели походные наши костры.
Спущен лагерный флаг
на прощальной линейке.
И осенние листья нарядно-пестры
на траве, на тропе,
на садовой скамейке.

Вот за ручку ведут малышей
в первый класс.
Мы идём независимо,
но смущаемся тоже, наверно.

Что с того, что сегодня
не первый наш раз,
Каждый класс — он для нас
всё равно получается первым.

Улетят корабли к межпланетным
безлунным ночам;
уплывут корабли по морям
к предназначенной цели.
Но останется школа —
наш первый, наш главный причал,
без которого мы
никогда б ничего не сумели.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ памятник создали ленинградцы, назвав его Зелёным поясом Славы. Длина его двести километров, и протянулся он по местам, где в годы Великой Отечественной войны находились рубежи обороны Ленинграда. От города Ленина до берегов Ладоги мелькают памятные километровые столбы знаменитой Дороги жизни. В Красносельском районе девятьсот берёз, словно часовые, стоят на рубеже, где герои поклялись умереть, но не сделать ни шагу назад...

Девять танков на постаментах стоят в почётном карауле, несут свою вечную вахту, славя героев, чья священную память павших за Родину, за город Ленина. Каждый из этих танков имеет свою волнующую боевую историю.

Тридцать лет назад, когда растаяли в летнем небе последние залпы, воины Ленинграда возвращались в родной город. Встречать героев вышли все ленинградцы. Рабочие Кировского завода и трудящиеся Кировского района воздвигли деревянную арку. А рядом с ней установили тяжёлый танк, как символ отгоревших сражений. Прошли годы. На месте арки высятся теперь два величественных обелиска, одетые в уральский мрамор и увенчанные бронзовыми пятиконечными звёздами. А рядом, на облицованном белым мрамором пьедестале, люди поставили тяжёлую машину KV, назвав её «Танк-победитель». Это был первый танк, вставший в почётный караул в Зелёном поясе Славы.

До места, где он родился,— рукой подать. Его отливали, ковали, обтачивали, собирали, испытывали на Кировском заводе. Грохоча и сотрясая пространство, выходил он из заводских ворот и шёл прямо на фронт. Из цеха — в бой! Ведь передовая была рядом с заводом. Трижды уходил он с завода и трижды возвращался с поля битвы. Возвращался раненный, с вмятинами, с повреждениями. Возвращался на завод, словно в госпиталь, чтобы подлечиться, подремонтироваться, и снова уходил в горнило сражений. Много таких машин давали фронту кировцы, но этому посчастливилось. Он стал величественным памятником, «Танком-победителем».

Ещё один такой танк подняли на пьедестал, находящийся на территории завода. На пьедестале надпись:

1941—1945

Этот тяжёлый танк установлен здесь
в память о славных делах танкостроителей
Кировского завода.

Завод, по сути дела, был тоже полем боя. Каждый день здесь рвались снаряды, много раз фашисты бомбили заводские цеха, но под огнём врага, в лютый мороз рабочие-кировцы продолжали свой труд во имя Победы.

Когда в январе 1944 года начался разгром фашистов под Ленинградом, две наши армии с двух сторон двигались с боями навстречу друг другу. Соединились эти армии в Ропше. Теперь на этом месте

НА ПЬЕДЕСТАЛАХ

также высится пьедестал с танком. Именно эта грозная машина одной из первых ворвалась в Ропшу, и через несколько лет она снова возвратилась сюда, чтобы превратиться в памятник.

Когда этот танк ворвался в Ропшу, управлял им бывший ленинградский рабочий, слесарь завода «Красногвардеец», механик-водитель Анатолий Полюткин. Но не довелось ему увидеть свою родную машину на каменном пьедестале. Полюткин пал смертью храбрых в боях за братскую Эстонию. В осаждённом Ленинграде погибла мать Анатолия. Но не забыли и никогда не забудут подвиг Полюткина и его товарищей из экипажа рабочие завода «Красногвардеец», все ленинградцы...

Где ещё можно увидеть на рубеже Зелёного пояса Славы танки, превратившиеся в монументы? Один из них вы можете увидеть на Гостилицком шоссе. Пьедестал у него наклонный, танк рвётся вверх, и пушка его поднята вверх. Недаром этот памятник называется — «Атака».

Все вы слышали о знаменитом Невском «пятачке», где в течение всей осады Ленинграда воины держали оборону плацдарма для будущего наступления против фашистов. Здесь и у посёлка Марьино, где в январе 1943 года была пробита первая брешь в кольце блокады, сооружены памятники — танки на пьедесталах. Ещё два танка установили на Пулковских высотах. В отличие от других, эти машины не подняты на каменные пьедесталы. Они стоят среди других памятных сооружений, и кажется, что в них находятся экипажи и танки готовы вот-вот сорваться с места и ринуться в бой, защищая одну из самых высоких боевых позиций в обороне Ленинграда — Пулковские высоты.

Есть в нашем городе и памятник одному знаменитому танкисту. Он высится в Московском парке Победы, на аллее Героев, где установлены бюсты дважды Героев Советского Союза, родившихся в Ленинграде. Среди них бюст маршала бронетанковых войск Семёна Богданова. Он родился за Нарвской заставой. Сын путиловца-молотобойца Ильи Богданова, он и сам начал свою трудовую жизнь слесарем на Путиловском заводе. В годы Великой Отечественной войны Семён Ильич Богданов командовал гвардейской танковой армией. Двадцать четыре раза столица нашей Родины — Москва салютовала в честь боевых побед, одержанных этой грозной бронированной армией. Это гвардейцы-танкисты, ведомые маршалом из города Ленина Семёном Богдановым, первыми ворвались на улицы и площади Берлина и героически сражались здесь до полного разгрома гитлеровцев.

Смотришь на танки, возведённые на пьедесталы, на бронзовое лицо дважды Героя Советского Союза Семёна Богданова, идёшь по ленинградским улицам, носящим имена прославленных танкистов Хрущичкого, Дудко, Валентины Грибалевой, Брагина, Груздева, и кажется, будто листаешь летописи, составляющие гордость народов Страны Советов.

О ВЕРНЫХ СПУТНИКАХ

Документальная повесть

ДОЛИНА СМЕРТИ

Наступило лето. Позади остались города и сёла, которые ещё совсем недавно были «там, в тылу врага», позади остались десятки тысяч обезвреженных мин. Но фронт не стоял — вперёд, вперёд, освобождать нашу землю, наших людей. И привыкли девчата идти вслед за передовыми частями, привыкли чувствовать себя очень нужными людям.

А тут вдруг велено срочно погрузиться и отправляться от

Нарвы на реку Воронку. Хорошее заданье — в тыл, хороша и речка: на карте не всякой отыщешь! Неужели сейчас, в канун нового большого наступления, они не нужны на фронте, с обидой думали девушки. Ведь все только и говорят, что собаки прекрасно работают. Одна лучше, другая похуже, но все здорово. Ведь вот что придумали Дик с Жук — почти одновременно стали «читать» схемы минных полей.

Немцы так боялись мин, что ставили их строго по плану, и вот этот-то шахматный порядок быстро усвоили Дик и Жук. Найдут мину, сядут, дождутся награды — лакомства — и бегом к следующей. Сядут и опять ждут: вот она, давай мяса-сахару.

Окончание. Начало в «Искорке» № 7.

Сперва испугалась Рита — ведь получалась не служба, а игра какая-то. Ведь этак-то, на бегу, можно и не заметить фугаса, проскочить. Стала она одёргивать Жука, перепроверять, но пёс был прав, он ни разу не прозевал.

И вот тыл.

Не знали они, что тыл тот зовётся «долиной смерти», что нигде, никогда не столкнутся они с таким жутким количеством мин — самых трудных, самых опасных; что зарастают здесь невозделанные поля и в разрушенных деревнях нет ни души: не то что человек — волк не может безнаказанно пройти по этой земле. Даже вороны и те подрывались, прохаживаясь.

Было раннее лето, когда так свежа зелень в лесу, так ласково греет солнце и хочется упасть навзничь в траву, закинуть руки за голову, глядеть в бесконечное синее небо и ни о чём, ни о чём не думать.

Но работать надо. И сразу же всё меняется — и природа из друга становится лютым врагом. Слепит солнце, мучит жара, липкая испарина обволакивает тело, и ко всему ещё лезет в лицо, в глаза, в нос, пьёт кровь оголтелое комарьё.

— Черти... соскучились... — доносится в тишине.

А сапёр должен быть точен, хладнокровен. Пусть хоть сто тысяч комаров да слепней жалят, ты думай, гляди, не дрогни рукой. Тут, в высокой траве, затаилась смерть. И неда-

ром каждый день, перед тем как девчата строились, к ним подходили товарищи, молча жали руки — прощались. А иной раз, не удержавшись, глухо бросали:

— Поаккуратнее будь.

Раздавалась команда: «Отделение, шагом марш!» — и уходили. А те, что оставались, ещё долго глядели вслед и сердито гнали от себя мысль о том, кого же сегодня недо считаются. Гнать-то гнали, да не думать об этом всё равно не могли: ведь каждый день хоронили кого-нибудь из друзей.

Именно в этих краях Рита Меньшагина нашла новую мину ТМИ-42-43. Очень коварная штука с двойным взрывателем. И всё-таки сумела она справиться с ней, принесла в часть. Больше того — ещё и схему целого минного поля представила. «Не может быть!» — воскликнул лейтенант Хижняк. Всё облазил Хижняк, всё проверил и перед всем строем объявил отделению сержанта Меньшагиной благодарность. Ещё бы, 12000 мин извлекли благодаря этой схеме.

Именно здесь, в устье реки Воронки, лучший минёр батальона Кириллов обнаружил в земле какой-то узкий продолговатый ящичек. Обколот щупом, оставил в земле. И правильно сделал: это была новейшая сверхчувствительная мина с пятью взрывателями.

А погиб Кириллов нелепо. И виновником этой смерти

был его любимый Дик — непревзойдённая минорозыскная собака, слава о которой разнеслась по всему фронту. Особенно после одного случая.

Было это на Дудергофских высотах. Немцы в панике отступили, не успев разрушить свои блиндажи. Наступление показало, что враг коварен, он минировал всё, чем в спешке по доверчивости могли воспользоваться солдаты, — колодезное ведро, часы, стулья даже скатерть, мирно лежащую на столе. Даже котёнка, привязанного в сундуке к мине. А тут — добротнейшие блиндажи. Было от чего насторожиться.

Сапёры внимательно выслушали, проверили всё: мин нет. И тогда в просторном бункере разместился штаб армии. Работы было невпроворот, и никто не хотел думать о каких-то сюрпризах. Никто, кроме начальника инженерных войск армии генерала Кирчевского. Он хорошо помнил, как блестяще сдали экзамен собаки, и приказал проверить штабные землянки.

Кириллов с Диком шёл по блиндажам. Действительно, мин не было. Тут, понятное дело, посыпались шуточки. Оставалось проверить бункер командующего армией. Дик быстренько obeжал все углы, начал принюхиваться. Вожатый насторожился: он знал, что это значит. Но Дик вёл себя странно: не сел, а всё так же втягивал воздух и выше, выше задира морду.

Что ж, рассудил сапёр, на потолок собаке не сесть, а что-то там чует. Но где? Ах, да вон, под самым накатом, маленькая ниша, вроде бы антресоли.

— Вы туда ещё ничего не клали? — спросил Кириллов.

— Нет. А что, склад боеприпасов нашёл? — съязвил адъютант.

— Посмотрим, — хмуро сказал вожатый.

Там он был — мощный заряд со взрывателем, от которого в разные стороны шли струны-оттяжки. Брось туда что-нибудь или просто пошарь рукой и — всё вдребезги.

Сколько дорог прошёл Кириллов со своим Диком, сколько мин обезвредили, а вот ведь случилось такое: пёс задел тоненькую, как гитарная струна, оттяжку, и подпрыгнула «эска», взорвалась. Шрапнель прошла над собакой, а вожатый упал. Так просто, так быстро стряслось это. Бросился к хозяину Дик, стал толкать его носом, скулить в смертельной тоске.

А ВСЁ РАВНО было лето, и в двадцать лет так хотелось хоть на миг позабыть о войне. И вот как-то в свободную минуту решила Маргарита собирать ландыши: много их было в тенистых местах и давно уж тянуло её к любимым цветам.

Рита спустила собаку с поводка — пусть побеждает, — встала на краю глинистого косогора, залюбовалась тёмно-зелёными ландышевыми

листьями, белыми колокольчатыми соцветиями, сделала шаг, поскользнулась, поехала вниз и в ту же секунду заметила то, от чего мгновенно и холодно сжалось сердце: колышек, на нём шток-мина, и проволочки, косо, туго натянутые от неё к земле.

Быстро пролетают секунды, но ещё быстрее порой наша мысль. Сколько съезжала, скользила она по этому косо-гору? Считанные мгновения, но как много пронеслось в голове. Поняла, что «едет» прямо на проволочную оттяжку, и успела откинуться на спину, лечь, вцепиться пальцами

в скользкую глину. А ещё успела подумать, что если даже и не заденет, то страшнее всего сейчас Жук: вот-вот прибежит, и тогда... как Дик.

Рита остановилась, со страхом глянула вниз. Голенища кирзовых сапог находились как раз под оттяжкой, почти касались её. А справа, за кустами, шелестели прошлогодние листья, слышалось сопение, радостное повизгивание: это носился Жук.

Медленно начала она «въезжать» в гору, так, чтобы хоть ноги выпростать из-под этой проклятой проволоки. А сама слышала: там, где был Жук,

стало тихо. Это он вспомнил о ней, обеспокоенно поднял морду, думает, чего это хоззяка молчит. Сейчас... сейчас прибежит, а мины... Она знала: эти по одной не ставят. Да, вон второй колышек... ещё... Как же сразу их не заметила? Ландыши! Загляделась, дурёха!

Жук вопросительно тявкнул: где ты?

Что ответить ему? Место? Так он всё равно, не видя её, прибежит — подумает, что зовёт.

И вот он несётся наверх, к ней. Рита сжалась, замерла, ждёт. «Ну, пройди... не задень. Вот так... так».

— Ах, какой же ты молодец! Молодец! — обняла Жукка, когда он ткнулся мордой в лицо. — А ещё говорят, что ты злой, что ты зверь, а ты... ты...

Они выбрались наверх и, словно отгоняя пережитое, Рита встряхнула головой и сама удивилась, почувствовав на щеках слёзы. Оглянулась назад, вниз. Всё так же в жёлто-зелёных пятнах солнца светились цветы. Но уже не их она видела, не о них думала. Мины! Скорей доложить и снимать.

В 1945 ГОДУ, когда кончилась война, Маргарита Меньшагина демобилизовалась, — дома ждали мать, сестра, институт. А Жук оставался: как-никак, а был вроде бы военнообязанный, и ещё много-много мин надо было найти, обезвредить, убрать.

Никто не скажет, что чувствовал он; о чём думал, а вот работать, как говорили сапёры, пёс перестал. И молод он был, и чутыист, не обижен смекалкой, но служить не желал. Никого не хотел подпускать. Встанет и смотрит печально. Просто так — в прошлое. И ни лаской, ни лакомством не заставить забыть.

Той, кого он любил, не было. А другие были ему ни к чему.

И снова в вольере, как некогда там, под Сосновкой, лежал злобный, угрюмый зверь.

НА ПЛОЩАДКЕ

С дороги её не видно, но изредка, когда фырчат машины, можно услышать за кустами собачий лай. Здесь, на огороженной забором площадке, хозяева под руководством инструктора учат своих подрастающих псов.

Мы стоим с Маргаритой Борисовной Коваленко и смотрим на эти занятия. Лодыри и озорники, побывав здесь, получили бы истинное удовольствие — ведь порядка и послушания в этом учебном заведении ещё меньше, чем в самом разболтанном классе. Команда одна для всех, но выполняют её по-разному: одни хорошо, другие кое-как, а третьи вообще никак.

— Место! Место! Место!! — кипятится паренёк.

И овчарка вроде бы исполняет, но стоит хозяину отвернуться, как тут же мчится к его сумке, пробует просунуть в неё узкую морду — посмотреть, есть ли там что-нибудь вкусное.

— Ах ты!.. — бросается к ней мальчишка. — Место! Место, кому говорят?!

М-да, пожалуй, учителя в этом классе бегают больше учеников.

— Ну, это пока... пока они ещё глупые, — говорит Маргарита Борисовна. — Научатся.

— И вот этот дылда?

— Вряд ли. Этот Потап — кавказец, то есть кавказская овчарка. Я слышала, что там, в горах, где они пасут стада, эти собаки незаменимы, легенды ходят о них, а здесь... Они плохо поддаются дрессировке.

— Ко мне! Потапа, ко мне!! — надрывается хозяин, но пёс занят своими мыслями...

— Где-то в Выборгском районе на собачьей площадке, — рассказывает Маргарита Борисовна, — есть такой же кавказец по имени Федя. Он такой же спокойный, а хозяин горячий. Так там только и слышно: «Федя, ну Федя, надо! Давай, Федя, давай, — пойми: надо!» Возможно, это смешно; а мне, когда я слышу такое, становится немножечко грустно. Почему? Видите ли, для некоторых людей держать собаку становится модой, они забывают, что имеют дело с живым существом. Ну, вот Потап, разве ему место в комнате? Не для того же кавказские пастухи десятилетиями

выводили этого сторожа, грозу волков, чтобы нежился он под крышей, в доме, где паровое отопление, гладкий пол, а то и ковры. Ему бы по горам бегать, под горячим солнцем, в жалящий холод, — там, где есть для него настоящее, нужное людям дело. А здесь? Для чего эта густая медвежья шерсть? Зачем этот могучий костяк, на котором от сытой жизни будут не мышцы, а сало?

Но что понимал он, Потап, что мог сказать, когда взяли его да повезли на чужбину?

— Какую же собаку лучше всего держать в городе?

— Почти всякую, лишь бы не забывать, что собака должна развиваться нормально.

СОВСЕМ СЕРЬЕЗНО

Наверное, многие из ребят хотят завести собаку. Но все ли они представляют себе, что это значит — держать пса? И появляются в городе, а особенно в пригородах бездомные собаки да кошки. Поиграли, потешились и бросили недавних друзей.

А бывает наоборот.

Светлана Ефремова учится с Зоей Коваленко в одном классе, в седьмом-б 310-й школы. Девочек сдружила общая привязанность: Зоя и Света — «собачатницы», как о них пренебрежительно отзываются не-

которые чересчур рассудительные люди.

До недавнего времени жизнь Светы Ефремовой была омрачена драматическими переживаниями. И всему виной две ошибки. Первую, сам того не ведая, допустил райсовет, когда поселил в одной квартире с Ефремовыми Прасковью Ивановну. А вторую уже самостоятельно совершила Светлана.

И с чего, главное, началось! Ну, скажите, может человек любить животных? Может. Имеет ли этот человек право приютить у себя в комнате пару беленьких хомячков? Имеет. А могут они в один прекрасный день прогрызть клетку? К сожалению, могут. А, совершив побег, могут залезть в буфет Прасковьи Ивановны? Увы, и это тоже могут.

Теперь взглянем на дело с другой стороны — со стороны соседки.

Может она не желать, чтобы хомяки паслись в её личном буфете? Может.

Теперь сложите всё это вместе и получите хорошенький скандалчик:

— Убери своих крыс! — отпихиваясь руками, пятилась к стене Прасковья Ивановна.

— Это не крысы, — чуть не плакала Света, — это хомячки.

— Вон! Вон! Милицию позову.

Пришлось убрать.

Настала тогда для Светы пора мучительных размышлений. И вот к чему они привели её.

Если человек не любит крыс

(хомяков, ежей, лягушек и т. п.), то наверняка должен любить или по крайней мере терпеть...

— Что?! — закричала Прасковья Ивановна. — Кошка? Откуда? Вон! Вон!..

Управдома позову.

Сами понимаете: Мурку тоже пришлось отдать знакомым. Положение складывалось отчаянное. Зоя очень хотела помочь подруге, но чем? Только одна дельная мысль и шевельнулась:

— А сколько ей лет? Ну, этой вашей Прасковье Ивановне?

— Не знаю. Лет пятьдесят-шестьдесят-семьдесят. А что?

— Да так. Старая она уже для собак.

Тут Светке пришлось бы совсем худо, если бы не книги. Давно сказано: собака — друг человека, и книга тоже друг человека, вот и стала Светлана Ефремова читать книжки про собак. Много интересного узнала она, но самой острой была примерно такая мысль: ну, что книжка? Ни голосу не подаст, ни по шерсти её не погладишь и выгуливать, дрессировать тоже не надо. Тоска!

Тем временем Зоя уже начала ходить с Жужей на собачью площадку. Ещё горше стало Светлане. А вышло так, что там-то Зоя и нашла выход:

— Ты слушай, Светка, ты слушай. Ты думаешь, на площадку все со своими собаками ходят?

— Ха! А что они — напрокат их берут?

— Ты слушай: не напрокат, а с чужими ходят. Я всё-всё узнала. Ну, есть, знаешь, люди, которые не могут сами ходить. А дрессировать хотят. Надо только найти такую собаку.

— И такого хозяина,— рассудительно добавила Света, ведь благодаря Прасковье Ивановне у неё было гораздо больше жизненного опыта,

Полтора месяца девочки искали такую собаку. Не просто оказалось найти. Конечно, их, псов, много, но ведь нужен и крупный, и молодой, а тут попадалась или одна мелюзга, или сплошные переростки.

Наконец кто-то подсказал им, что в таком-то доме и, кажется, на пятом этаже живёт настоящий тигровый, то есть полосатый, боксёр.

Нашли они дом, а он большой, квартир много — куда идти? Ну, раз спросишь: «У вас боксёр не живёт?» — два, десять, да не сто же! и придумали они вот что. Взяли Жужку, пошли по этажам: поднимутся на площадку, скажут:

— Голос!

— Р-рав! Р-рав!

Молчание. Значит, здесь нет: ведь каждая уважающая себя собака должна бы откликнуться. Но дом молчал.

Вышли девочки, стоят удручённо.

— Может, наврали?

— Гляди, гляди! Он! — зашептала Зоя.

Сомнений не было — тигровый боксёр рвался на поводке к ним.

— Марс, изволь идти смирно! — приказывала хозяйка.

— Видишь, какие команды! Учить его надо, пока не поздно, — сразу же отметила опытный собаковод Зоя.

Поздоровались они, и Зоя начала так:

— Вот эта девочка... она очень любит собак... и мы хотим... если вы хотите, дрессировать вашего боксёра.

— Спасибо, — поблагодарила женщина, — но, если вы не возражаете, я уж как-нибудь сама займусь этим. Ну, Марс, пошли.

— Ладно, Светка, ты не падай духом, всё равно найдём.

И очень скоро на прогулке Зоя увидела такую собаку и такую хозяйку. Девочка это поняла сразу же и до того обрадовалась, что забыла узнать адрес женщины. А нового случая встретиться всё как-то не выпадало. Тогда подруги стали ходить по домам и расспрашивать, не живёт ли здесь «такая старенькая тётенька и собака, похожая на овчарку. У неё, знаете, ещё такое жёлтое брюхо и чёрная спина?»

Всё-таки в одном доме такая жёлтобрюхая, как лягушка, овчарка жила. Оставалось узнать квартиру. А их здесь было раза в два больше, чем в том доме, и, если бы Жужа

взялась всё облаивать, то, пожалуй, охрипла. Поэтому сделали иначе: пошли по лестницам, и те двери, которые Жужка нюхает, записывали. Таких «собачьих» квартир оказалось шесть. Но такой собаки в них не было.

И всё-таки нашли они ту собаку. Хозяева (а их было целых три, и все пожилые женщины) сразу же всё поняли и согласились, потому что им самим было тяжело по-научному воспитывать Динку, а внук ещё для этого не подрос. Лишь одно пожелали они заранее выяснить:

— А сколько же ты хочешь... м-м... за это?

— Что вы! Что вы! — покраснела, замахала руками Света. — Я же не за деньги, я так...

И теперь — дождь не дождь, снег не снег, жара не жара — каждый день, дважды, бежит Света к своим бабушкам и к своей Динке. А ещё два раза в неделю водит её на занятия.

Мы возвращались с площадки вместе. Девочки с собаками шли впереди и о чём-то заговорили.

— Мама, это правда, что собаки и хозяева похожи друг на друга?

— Тебя что, беспокоит Жужка, боксёр?

— Нет, но правда?

— Правда в том, что характер хозяина передаётся собаке. Вот была у нас в батальоне овчарка Найда, такая крепкая, лёгонькая, оченьмышлёная и живая. И был боец по фамилии Коровин, очень

вялый и безразличный человек. Ни разу в жизни не смеялся, не пошутил. По крайней мере, мы не слышали. И случилось так, что пришлось передать Найду этому самому Коровину. Прошёл месяц, и вдруг мы заметили, что нет Найды, а есть какая-то другая собака. И кличка у неё та же, и вообще всё, а будто подменили её, потому что стала она такая же вялая, флегматичная, как хозяин. Однажды, было это на Синявинских болотах, послали Коровина на разминирование. Уже время ему возвращаться, а всё нет. Ни вожатого, ни собаки. Забеспокоились мы, решили идти на розыски. И что же мы видим? На обезвреженном фугасе похрапывает Коровин, а рядом с ним мирно спит Найда.

— Тётя Рита, а ум тоже передаётся?

— Ты беспокоишься о своей Динке?

— Да...— простодушно призналась Света.— А то мне там говорят, что она... это ничего, что Динка не совсем овчарка?

— Пусть говорят...

САМЫЙ УМНЫЙ

— Да,— продолжала Маргарита Борисовна,— вы не поверите, но самая умная собака, с которой встречалась я на

своём веку, была совсем беспородной. Ни внешности никакой, ни богатой родословной, вообще ничего, что бы говорило о каких-то талантах. Кроме самых обыкновенных собачьих: могу лаять, могу есть, могу укусить. Словом, далеко было ей по крови до таких благородных псов, как овчарки, доберманы или терьеры.

...Было это лет пятнадцать назад, у Чёрного моря, где супруги Коваленко проводили свой отпуск. Вскоре они заметили, что частенько возле их дома появляется странный пёс. Внешне он чем-то напоминал шотландских терьеров: такой же коротколапый, густошерстистый и как бы волочащийся по земле. Только не чёрный он был, не шоколадный, как те, а белый, как шпиц. Правда, это нужно было ещё угадать, потому что грязь на нём хватало.

— Чей это? — как-то спросила Маргарита Борисовна у местных ребятишек.

— А ничей.

— Беспризорный, — добавили более образованные.

Что-то привлекало в нём Маргариту Борисовну: может, умные глаза, запутавшиеся в длинной чёлке да в развесистых бакенбардах. Может, повадка, полная достоинства и обычно не присущая бездомным псам. Как бы там ни было, но однажды она заговорила с ним:

— Ну, что скажешь?

Он молчал.

— Что смотришь? Как же тебя зовут?

— Мурзатый,— ответил за прищельца муж и пояснил: — это у нас, белорусов, грязнуль так зовут.

— Ну, это можно исправить.

И на третий день знакомства Маргарита Борисовна устроила Мурзику грандиозную санобработку: баню и химчистку, потому что, простите, блох у него в шерсти было миллион. А может, и два. Не пожалела добрая женщина керосину, и на мыле тоже не сэкономила. И он всё стерпел — без звука, хотя далеко не каждый пёс любит водные процедуры. А этот, наверное, и отродясь не слышал о них.

Шло время. С каждым днём крепла новая дружба. Однажды Маргарита Борисовна сказала:

— Мурзик, а Мурзик, пойдём к морю купаться. Ну, идём.

Пошёл. Правда, держался в отдалении и трудно было понять, сам ли он решил прогуляться или шагает за ними. Но когда Маргарита Борисовна с мужем вошли в воду, пёс уселся рядом с их вещами и застыл. Стоило кому-нибудь подойти слишком близко, как раздавалось: «р-р-р...», и Мурзик показывал, какие у него хорошие зубы.

— Ты видишь? — спросил Геннадий Иванович.

— Вижу. Чудный пёсик.

— До того чудный, что боюсь, как бы не пришлось нам бежать домой в трусах,

— Проверим! — И пошла к вещам.

Мурзик счёл свои обязанности исчерпанными, отошёл, улёгся в сторонке.

— Ты что-нибудь поняла? — озадаченно спросил Геннадий Иванович.

— Ну и ну,— удивлённо покачала головой Маргарита Борисовна.— Странно. А с виду и не подумаешь, что это такой экземпляр.

Экземпляр же безучастно уставился на море. Но когда его знакомые двинулись к дому, засеменил за ними.

Он стал теперь чистый, белый, пригожий и, должно быть, думал, по молодости, что так будет вечно. Но кончался отпуск у новых хозяев, и надо было что-то решать.

— Берём? — взглянула Маргарита Борисовна на мужа.

— Берём.

— А как?

Геннадий Иванович пожал плечами, что означало: «зайцем», без документов, ибо четвероногого в поезде положено везти не только с номером на ошейнике, но также со справкой ветеринарного врача.

В поезде Мурзику растолковали, как вести себя безбилетному пассажиру: когда появлялись ревизоры, Маргарита Борисовна приглашала его под лавку, и он терпеливо, молча сидел там. А к концу дороги уже сам хорошо знал, что люди в железнодорожной форме не должны его видеть. Так что проводники были очень удивлены, когда на пер-

рон Московского вокзала сошёл этот пассажир.

Никто не знает, понравился ли Мурзику Ленинград и его новый дом, но всё, что требуется от городской собаки, он усвоил с первого дня. Требования были простые: соблюдать чистоту, уважать тишину, а во время прогулок не задира́ть собратье́в.

А уж сам от себя он добавил к этим правилам собственные: люди везде люди, но для него они делятся на его новых хозяев и всех остальных. Даже мать Маргариты Борисовны и племянница очень быстро это поняли. Поняли главное убеждение Мурзика: хозяйское нужно защищать. В ком-

нату мог войти всякий, выйти тоже, а вот взять что-нибудь — ни-ни-ни.

Однажды Маргарита Борисовна пришла с работы и застала мать в слезах.

— Я тебе не нужна! Нет, нет! Тебе собака роднее.

— В чём дело? — растерянно остановилась у дверей дочь и невольно перевела глаза с матери на собаку, но глаза у Мурзика были, как всегда, чистые и невинные.

— Целый день я сижу голодная.

— Как голодная? Я же сказала: кошелек у меня в пальто.

— Вот и бери свой кошелек! Вот... вот..., вот!.. — пока-

зывала она ссадины на ногах.— Это всё он, твой проклятый Му-урзик!

Это действительно был он — скромный, послушный Мурзик.

Пришла как-то в гости племянница. Маргарита Борисовна хлопочет на кухне, говорит ей: возьми, мол, в комнате на столе апельсины. Но девочка уже хорошо знает, с кем имеет дело:

— Нет уж, тётя Рита, принеси сюда, а то он меня укусит.

— У вас, Маргарита Борисовна,— смеются соседи,— теперь для гостей двойное угощенье.

На следующий год семья Коваленко поехала отдыхать на машине. Мурзик и здесь оказался не лишним. Когда супруги шли купаться, он усаживался возле вещей, ждал хозяев. А когда они возвращались, перебирался под машину. И если кто-нибудь слишком близко подходил к «Победе», из-под неё высывалась волосатая морда и слышалось грозное ворчание.

Когда родилась Зоя, Мурзик сразу же уразумел, что вот этот крошечный человечек — самое дорогое для хозяев. И сразу же Зоя, ещё не ведая того, попала под неусыпную его защиту. Маргарита Борисовна выкатывала в палисадник коляску и спокойно занималась хозяйственными делами: там, с Зойкой, оставался Мурзик, и не было в мире ни собачьего лакомства, ни собачьей радости, ради которых бы этот мохнатый

друг оставил свой пост. Ни на шаг не отходил он от коляски, а понадобилось бы — тут бы и умер.

И всё же много мучений принял он на том боевом посту: моральных мучений, не боясь громких слов, скажем мы об этой собаке.

Ребёнок есть ребёнок, особенно грудной, и не всегда Маргарита Борисовна успевала вовремя сменить пелёнки, и когда это всё же случалось, заставляла такую картину.

Ходит он вокруг коляски, задрав голову, принюхивается, и такая растерянность на морде, что со смеху помереть можно. А увидит её и чуть не плачет от сознания своей вины. И не виноват, а чувствует, что не делом пахнет, но вот откуда и что — не понять.

Кончалось лето, пора было возвращаться в город, и с каждым днём всё больше щемило сердце Маргариты Борисовны, и, бывало, гладила и трепала она лохматую голову, грустно смотрела в преданные глаза.

Да, в десятиметровой комнате, где и кроватку детскую с трудом удалось втиснуть, теперь стало совсем невмоготу. И соседи уже начинали ворчать, жаловаться.

Одно только утешение было, что отдавала его в хорошие руки.

В хорошие-то хорошие, а всё равно ведь чужие. И давно уже нет Мурзика — недолго живут собаки,— а так и осталось по сей день чувство вины перед ним.

ПОЗДНИЙ вечер. Спит Жу-
жа, спит Зоя, а Маргарита
Борисовна задумчиво смотрит
на них. Разговоры всколыхну-
ли давнее и недавнее прошлое.
Сколько раз случалось за го-
ды войны, что на собак не
выдавали пайка, и тогда во-

жатые делились своим. А его
и без того было в обрез. Но
всегда и она сама, и лучшие
люди, кого знала, жили по
правилу: «Хочешь иметь дру-
га — будь им».

Вот такой же хочет она ви-
деть свою Зойку. И вообще
всех.

Олег БУНДУР

Как делают утро

*Дворники-умницы
Расстелили улицы,
Разложили площади,
Вымыли под дождиком.
Лётчики скорые
Завели моторы,
Тучи с неба выдули,
Небо чисто вымыли.
Взялись за дело
Маляры умело:*

*Рисовали красками
Зарю-збрю красную.
С тёмным загаром
Вышли кочегары,
Выкатили сонное
Ясное солнышко.
Смотрит оно радостно—
Город весь убран!
Улыбнулось радугой:
— Доброе утро!*

Т Е Н Ь

Со мною тень моя идёт.
То коровит удрать вперёд,
То где-то за спиною,
Но всё равно со мною,
Сижу — сидит,
Иду — идёт.
Нырну — ныряет в воду.
Со мной крадётся в огород.
Со мной из огорода,
Она молчит.
Но будто я
Спиною слышу даже:
«Сюда нельзя!
Туда нельзя!
А что нам мама скажет?..»
Скворцы хохочут надо мной,
Смеётся куст сирени:
— Чего ты злишься? Вот
чудной!

Ну как же так — без тени?.. —
Но я сказал:

— Послушай, тень,
Уйди!

Исчезни!

Хватит!

Вот привязалась! Целый день

То впереди, то сзади! —

И тень исчезла в тот же миг.

Ушла — как не бывало.

Но почему-то день поник.

И солнышко пропало...

В туман окуталась река.

Притихли, смолкли птицы.

И тучи вдруг издалека

Приплыли вереницей.

Купаться, бегать стало лень,

Шагаю по аллейке...

А вдруг сидит там эта тень

У дома на скамейке?!

Рис. Януса

ЛЕНИНГРАД после Москвы второй по величине город Страны Советов. Из года в год он продолжает расширять свои границы — строители сооружают сотни зданий, возникают новые огромные кварталы, рождаются новые улицы и проспекты... Город расположился на гигантской площади, размером примерно в тысячу квадратных километров... Представляете себе, как трудно было бы добраться из одного конца Ленинграда в другой, если бы не было внутри транспорта?

Сейчас в нашем распоряжении метро, троллейбус, автобус и даже такси. Но ветеран городского транспорта — наш добрый старый товарищ трамвай. Его истории мы посвящаем сегодня наш рассказ.

Летом 1864 года Петербург обогатился новым видом внутриуличного транспорта, который жители между собой начали называть «конкой».

Это были небольшие вагончики, которые по рельсам тянула пара лошадей. Вагончики были двухэтажные. За проезд внутри вагона платили по пятачку. Но можно было ехать и на втором этаже, на крыше вагона, или, как тогда говорили, на империале. На империал взбирались по специальной металлической лесенке.

Конка заработала, но всё же многие жители предпочитали идти пешком. Уж очень медленно тянулся вагончик — восемь километров в час. Ведь это чуть быстрее пешехода.

Лет десять спустя у станции Сестрорецк, на заброшенной ветке железной дороги, проводили любопытные опыты. Но прежде чем рассказать о них, познакомимся с человеком, который эти опыты проводил. Фёдор Аполлонович Пироцкий был артиллеристом и одновременно талантливым инженером-изобретателем. В то время уже в электротехнике применялись динамомашины. Но использовать электродвигатели для транспорта ещё не могли, так как не нашли способа передавать электроэнергию на расстояние. Пироцкого и увлекла идея доказать, что можно передавать электрический ток, используя проводниками рельсы. В наше время электроэнергия передаётся по проводам на многие сотни километров. Но тогда возможность такой передачи по проводам ещё не была открыта.

В Сестрорецке Пироцкий установил источники электроэнергии. По рельсам был пущен ток. Он прошёл по рельсам к электродвигателю, находившемуся на расстоянии одного километра от источника. И двигатель заработал!

От успешных опытов Пироцкий решил перейти к практике. Если можно передавать ток по рельсам и если двигатель установить на вагоне, находящемся на рельсах, то ведь этот вагон непременно поедет. Поедет гораздо быстрее конки, и стоять будет дешевле. Пироцкому в это время исполнилось 35 лет. Он полон энергии.

Петербургская конка не принадлежала городу. Хозяевами её были частные владельцы, называвшиеся акционерным обществом конно-железных дорог. Этих частников и захотел заинтересовать своим изобретением Пироцкий. Хозяева конки довольно равнодушно отнеслись к предложению Пироцкого, но всё же согласились прийти на демонстрацию вагона с электрическим двигателем.

И вот девяносто пять лет назад, 1 сентября 1880 года, состоялось первое испытание вагона.

Давайте же перенесёмся и мы с вами почти на век назад и станем свидетелями необыкновенного события в истории техники. В назначенный день на углу Болотной и Дегтярного переулков было не протолкнуться. Показ вагона в действии был назначен на 11 часов, но уже в семь утра здесь начал собираться народ, и не только с ближайших улиц, но и с Васильевского, из-за Нарвской заставы и других частей города. У Рождественского парка (ныне здесь трампарк имени Смирнова) стоял двухъярусный вагон конки. Обычный, да не совсем... Внешне — да, а на самом деле...

Обычный можно было тащить только на буксире. А у этого находился невидимый снаружи электрический мотор.

И вот стрелки часов приблизились к одиннадцати. Потребовали от людей освободить рельсовый путь. Раздался сигнал, и огромная толпа замерла. Ещё бы. Все уже привыкли видеть впереди конки пару замученных кляч, тут же лошадей не было и в помине. И вдруг вагон тронулся с места и довольно быстро побежал по рельсам. Потом неожиданно остановился... А ещё через несколько секунд этот же вагон с та-

кой же быстротой побежал в обратную сторону. Но на этом испытания первого вагона электрической железной дороги не кончились.

Пироцкий, который сам был и вожатым, остановил вагон и громко попросил сорок человек, заранее приглашённых, подняться на империял. Один за другим они поднимались на конку и устраивались на скамьях. Когда все разместились, изобретатель снова включил энергию. Наблюдавшие подумали, что электровагон, если и тронется с места, то будет двигаться очень медленно. Как-никак сорок человек. Когда позднее подсчитали, вес вагона с сорока пассажирами превышал четыреста пятьдесят пудов. И что же? Вы представляете себе, как удивился народ, когда вагон покатился по рельсам с такой же быстротой, как пустой.

Испытания нового изобретения прошли замечательно. Многие подходили к Фёдору Аполлоновичу Пироцкому, поздравляли его. Сам изобретатель был очень оживлён и радостен. Но раньше времени радовался талантливый инженер.

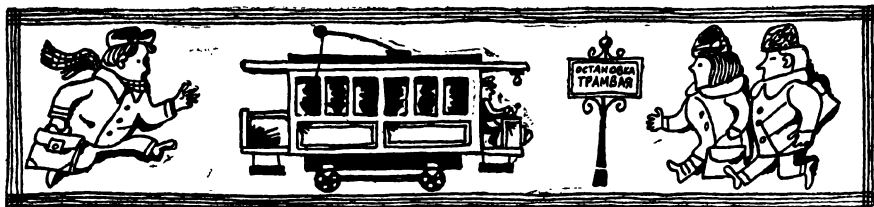
Среди приглашённых, находившихся на крыше электровагона, были и хозяева петербургской конки. Но они решили, что, для того чтобы переделать конную железную дорогу на электрическую, потребуется немалая сумма денег.

А откровенно говоря, для чего её переустраивать? Ведь конка и так приносит много прибыли. И отказались использовать изобретение Пироцкого.

Хозяева конки отказались, но может быть, какие-нибудь другие предприимчивые дельцы возьмутся и построят в Петербурге первую в мире городскую электрическую железную дорогу, позднее названную трамваем, и появится мощный соперник у конки? Нет. Не появится. Ещё за шесть лет до испытаний вагона Пироцкого хозяева конки заключили с Петербургской управой договор сроком на тридцать лет. По этому договору никто, кроме них — акционерного общества конных железных дорог, — не имеет права прокладывать рельсовую колею на улицах столицы.

Вот как всё получилось... Изобретение Пироцкого не приняли, трамвай на улицах Петербурга тогда так и не появился. И прошло много лет до того дня, когда вагоны городской электрической железной дороги покатались по главному городу России.

И всё же несколько электрических трамвайных вагончиков появились в Петербурге до истечения кабального договора с хозяевами конки. Крепкие зимние морозы на несколько месяцев сковали Неву ледяной бронёй. В городской управе решили устроить перевоз через широкую гладь реки в электрических вагончиках. Натянули провода, проложили по льду рельсы, и к обоим берегам Невы покатались маленькие трамвайчики. Несмотря на то что плата была невысокой, этот электрический перевоз по трём линиям, проложенным на льду Невы, приносил доход городу.

Но уже через несколько дней после того, как открылся этот перевоз, хозяева конки ополчились против городской управы, обвиняя её в том, что она, мол, нарушила договор. Хозяева конки решили «проучить» городскую управу, чтобы она впредь не позволяла себе таких вольностей, — подали протест в суд да ещё просили суд взыскать с города немалую сумму денег за нарушение договора.

Но победил город! Судьи решили, что договор, заключённый правлением конки с городской управой, воспрещает прокладку рельсовой колеи только на улицах Петербурга, точнее — на его земле. А Нева, её ледяная броня, это не земля, а вода... И город выиграл дело.

Но крохотный перевоз длиной около километра — это ещё не городской трамвай. Между тем в других городах России уже появился настоящий трамвай. Первым таким городом был Киев. И вот почему. Киев расположен на холмистой местности. На его улицах много подъёмов, которые не могли бы преодолеть вагоны конки. Поэтому тут конку и не устраивали. Киевской городской управе не с кем было вести борьбу, и в 1871 году по главной улице Киева — Крещатику прошёл первый в России трамвай. Вслед за Киевом трамвай появился и в других городах — Казани, Нижнем Новгороде (теперь Горький), Екатеринославе (теперь Днепропетровск), Курске, Витебске, Севастополе,

Орле, Москве, Житомире и т. д. Теперь представьте себе людей, которые приезжали из этих городов в столицу. Каково было их удивление, когда вместо трамвая они видели тащившиеся с черепашьей скоростью вагоны допотопной конки.

— Вот так столица, — посмеивались они.

В 1904 году кончался срок договора с правлением конки. За год до этого городская дума приняла решение о переводе конных железных дорог на электрическую тягу. Прошло ещё четыре года, пока наконец в 1907 году не открылись в Петербурге три трамвайные линии. Первая проходила от нынешнего Московского вокзала по Невскому до Дворцовой площади. Вторая — по Садовой улице, от Публичной библиотеки на Невском до Покровской площади (ныне площадь Тургенева). Третья — от Адмиралтейства до 8-й линии Васильевского острова.

Кто же построил трамвай в нашем городе? Это был инженер-электрик, в будущем выдающийся учёный, строитель знаменитой Волховской гидроэлектростанции имени Владимира Ильича Ленина, академик Генрих Осипович Графтио.

И вот настал день открытия петербургского трамвая. Недалеко от Адмиралтейства стоял новенький вагон, расцвеченный флагами. Вокруг видимо-невидимо жителей столицы. В вагон вошли приглашённые, на переднюю площадку поднялся Генрих Осипович Графтио. Ручку управления контроллера держал сам будущий академик. Он был первым вагоновожатым первого вагона петербургского трамвая.

Но в этом году было проложено всего лишь три линии трамвая. А как же в остальных районах? Увы, там пока всё ещё блаженствовали владельцы конки. Даже через два года после пуска первых линий, когда в Петербурге испытывали уже одиннадцатый трамвайный маршрут, конка всё ещё не сдавалась, лошади всё ещё тянули её вагоны по четырнадцати маршрутам.

Трамвай — один из самых старых видов городского транспорта, и наибольшее количество пассажиров в городе пользуется именно трамваем.

В первую блокадную зиму, в суровые леденящие морозы, застыл трудяга-трамвай. Но, несмотря на обстрелы и бомбёжки, по предложению городской партийной организации ленинградские трамвайщики восстановили трамвай, и день 15 апреля 1942 года в осаждённом городе превратился в подлинный праздник. Пошёл трамвай! Это было великой радостью для ленинградцев, трамвай сохранял силы измученных голодом людей, доставлял их на заводы, где они не прекращали трудиться для фронта, для победы.

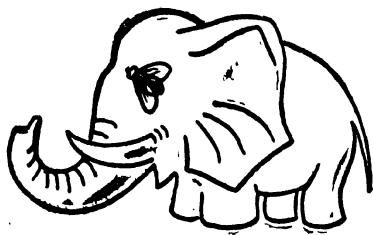
Чтобы вы могли более полно представить себе, что же такое наш трамвай, я приведу несколько цифр, которые красноречивее слов. В 1917 году в нашем городе жило более двух миллионов человек. Трамвай, который их обслуживал, насчитывал всего лишь семьсот десять вагонов, а длина трамвайных путей равнялась ста пяти километрам.

А сегодня? Линии трамвая протянулись более чем на пятьсот километров. Ежедневно на линии выходит около полутора тысяч вагонов. Трамвай движется по пятидесяти трём маршрутам, соединяя самые отдалённые районы города. Но это ещё не всё. В городе существует ещё одна сеть электрических дорог, но уже не рельсовых. Вы, наверное, уже догадались, о чём идёт речь. О родном брате трамвая — троллейбусе. И это могучий брат: линии троллейбуса протянулись на четыреста пятьдесят километров. Каждый день на улицы Ленинграда из парков на работу выезжают семьсот семьдесят троллейбусов, и катятся они по сорока различным маршрутам. А теперь поинтересуемся — сколько же пассажиров перевозят, например, в течение года наш трамвай и троллейбус? Один миллиард двести миллионов человек! Вдумайтесь в эту колоссальную цифру, и вы поймёте, какую огромную помощь оказывают нам товарищ трамвай и товарищ троллейбус.

В. НЕСТЕРОВ

Странные листья

*У клёна такие странные листья,
Словно их ветер узорами выстриг,
И получились славные тапки,
Как на заказ, на гусиные лапки.
Всем хороши бы, да цветом зелёные,
Вот покрасеется лето на клёнах,
И покраснеют на солнышке в меру.
Осенью гуси придут на примерку
И удивятся: «Как подросли мы!
Тапки тесны, мы остались босыми,
Как же зимой нам гулять после завтрака?»
И — улетят босоногими в Африку.*

Из мухи — слона

*Как сделать из мухи слона?
Эта задача совсем не сложна.
Сначала вы рисуете муху.
Справа от мухи — слово ^{ухо} *слонове*,
Слева *хобот*, под *хоботом* *рот*,
После — *спину*, *ноги*, *живот*,
И — получился слон у вас,
Которому *муха* села на *глаз*!*

Рис. Н. Нефёдова

ДВЕ ДОГОВАРИВАЮЩИЕСЯ СТОРОНЫ

Унеся ноги на безопасное расстояние, Витя с Федей издали определили, что тревога оказалась ложной. Человек, которого они приняли за иностранца, в погоню за ними не кинулся. Человек с закинутым на плечо пиджаком так и остался стоять один-одинёшенек у ограды набережной.

— Чуть прямо не влипли мы с тобой, — сказал, отдуваясь, Витя.

— А там, смотри, фрукт какой, — пропыхтел в ответ Федя, кивая совсем в другую сторону.

На скамье рядом с серебряной физкультурницей сидела Люба. А в метре от Любы на скамье пристроился какой-то незнакомый мальчик.

— Ну и что? — сказал Витя.

— Шишек-банок он захотел, вот что, — пояснил Федя. — Больше он не нашёл, где сесть, да?

Почему Феде вдруг не понравился мальчик, решивший сесть на ту же скамью, что и Люба, Витя так и не понял. Но дружба есть дружба. В ней вовсе не обязательно понимать всё до конца. Поэтому Витя набычился точно так же, как Федя, и друзья в суровой решимости зашагали к скамье.

— Ты! — грозно произнёс Федя, подойдя вплотную к мальчику. — Тютя! Ты чего тут расселся? Как

сейчас двину в лоб по затылку, так и уши отвалятся. Хочешь?

— Пхи-и! — засмеялась, словно чихнула, Люба.

Она засмеялась, соскользнула со скамьи и удалилась, предоставляя возможность Вите с Федей наедине выяснить отношения с незнакомым мальчиком.

Когда человек идёт в наступление, он сначала сам себя внутренне распаляет. Придумывает причину и напускает на себя побольше злости. Федя за одну минуту распалил себя больше некуда. И больше всего его раззадорило то, что мальчик попался какой-то странный: глаза трусливые, а сам не уходит. Сидит и молчит. Но если ты не уходишь, то давай тогда померяемся силами. Однако мальчик и силами мериться не желал. Федя стукнул его кулаком в плечо, но в ответ получил лишь жалобную улыбку. Жалобную и беспомощную. И тогда Витя, как более разумный и спокойный, не бросающийся ни с того ни с сего защищать девчонок, сказал мальчику по-хорошему:

— Послушай, ты, отдохнул тут немного на скамеечке и теперь давай прямо быстренько кукарекай отсюда. Пока ты жив, здоров и прямо не получил насморка.

Другой бы на месте мальчика, попав в подобную ситуацию, с радостью воспользовался бы Витиным советом и быстренько укукарекал. Но этот, с испуганными глаза-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7.

ми, не шелохнулся. Сидел себе и с нахальной жалобностью улыбался.

— Тебе что сказано? — совершенно начал выходить из себя Федя.

Никакой реакции.

И тогда Федя, чтобы окончательно не потерять к самому себе уважение, сгреб в охапку молчаливого нахала. Обнявшись, они клубком покатались на зеленеющий газон. Сверху, навалившись медведем, сразу оказался Федя. Мальчишка отбивался слабо. И Федя случайно заехал ему по носу. Он даже и не заметил, как заехал. Но на верхней губе у мальчишки сразу расплылась красная клякса.

Однако опомнился Федя лишь тогда, когда сквозь всхлипывания и тяжёлое пыхтение соперника прорвались какие-то непонятные слова. Слова прозвучали явно не по-русски. И Федя, застыв на четвереньках, оторопело уставился на противника. Мальчик сидел, неуклюже подвернув под себя ноги. Он прерывисто дышал и всхлипывал.

— Ты... — проговорил Федя, — этот самый? Турист... что ли? Иностранец?

— Иес, — обиженно закивал мальчик, размазывая под носом красное.

— Витя! — ужаснулся Федя. — Мы же с тобой... А он, оказывается, и не наш вовсе.

Ребята с чрезвычайной осторожностью подняли с травы пострадавшего. Со всех сторон его отряхнули и пригладдили. Витя даже хотел ему своим собственным платком под носом вытереть. Но мальчик не дал, чтобы ему вытирали под носом чужим платком.

— Ты только не обижайся на нас, — говорили иностранцу Витя с Федей, прихорашивая его. — Мы ведь не знали. Сидишь тут прямо... Ты не обиделся?

Им показалось, что он всё-таки обиделся. И тогда Витя вспомнил про значки. Витя выгреб их из кармана и насыпал в ладонь по-

страдавшему. Все значки, что у него были. На все два рубля.

— Держи, — бормотал Витя. — На память. Держи, держи. Не стесняйся.

Робко покивав, мальчик что-то по-своему сказал и убежал вниз к пристани. Вроде он больше не обижался. Он даже немножечко улыбнулся.

А Витя с Федей переглянулись и решили, что нужно срочно смазывать пятки. Пока обошлось всё более или менее благополучно. И они бы, разумеется, удрали подальше от опасного места. Их подвела Люба. Она куда-то намертво запропастилась. Витя предложил бежать без Любы. Но Федя — ни в какую. Мало ли что с Любой могло случиться, считал Федя. Раз сюда пришли вместе, значит, и отсюда вместе.

Бросились искать Любу. Туда, сюда — нету. И вдруг на Витино плечо молча легла рука. Витя оглянулся и обмер. Перед ним стоял иностранный мальчик. Стоял и с застенчивой улыбкой протягивал Вите цветную, точь-в-точь из-под конфет, коробочку. Витя сначала так и подумал, что это конфеты.

Под носом у мальчика было уже сухо. И ничто в нём даже не намекало на недавнюю потасовку. А на коробочке с непонятными надписями ярко синело небо и желтели роскошные ананасы.

— Да не нужно нам! Зачем? — хором отнекивались сконфуженные Витя с Федей.

Но мальчик не стал их слушать, сунул Вите в руку коробочку и убежал. В коробочке оказалось пятьдесят долек жевательной резинки. Куда её было девать? Жевать самим? Так это на троих на целый год. Да и очень уж хотелось похвастать в классе, как у них здорово получилось с иностранцем. Но похвастать и не принести резинку — кто же поверит их рассказу? Ясно же, скажут: враки.

Они — не Вася Пчёлкин. Они принесли в класс резинку просто

так, без всякого обмена и какой-нибудь личной выгоды. Они раздали каждому по дольке. А некоторым досталось даже и по две...

— Та-ак,— устало протянул Иван Грозный, убирая руку с телефона.— Крепкие вы, я смотрю, ребята. За такими как за каменной стеной. Ладно, сдаюсь. Но чтобы две договаривающиеся стороны могли найти общий язык, каждая из сторон должна пойти друг другу навстречу. Я готов уступить. Я обещаю: всё, что вы мне сейчас сообщите, останется строго между нами. Никто ни о чём не узнает, и вам ничего не будет. Устраивает? Отвечайте, где вы взяли резинку? Ну!

За окном кабинета нудно шелестел дождь.

— Где?

У Вити от напряжения взмокла спина. Ещё немного такой пытки, и он бы наверняка не выдержал. Он и так не сдавался лишь из-за Феди. Был бы он один, давно рассказал бы о необыкновенном воск-

ресном происшествии. Тем более что завуч пообещал, что им ничего не будет. Но не станешь же выдавать Федю. Ведь это Федя, а не Витя набросился на того мальчика.

— Где? Молчите? Хорошо, я вам помогу. Думаете, я не знаю, где вы её взяли? Знаю, но хотел услышать это от вас самих.

Витя с Федей переглянулись.

— Ну! — сказал завуч.— Снова Пчёлкин из шестого «а»? Так?

Может, Федя слишком резко нагнул голову? Или он сознательно кивнул? Витя же отлично видел, как Федя кивнул. И завуч, разумеется, видел тоже. И понял Федин кивок так, как нужно.

— Ладно,— заключил завуч,— будем считать, что вы мне ничего не говорили. Отправляйтесь на урок.

Они молча побрели обратно по пустому коридору. А возразить Ивану Грозному, сказать: «Нет, это совсем не Вася Пчёлкин» — Витя почему-то не смог.

МОЖНО ЛИ ВРАТЬ МОЛЧА?

Наверное, нет ничего хуже на свете, чем предательство. Предатель — самый гадкий и противный человек на свете. Вот кто, интересно, побежал и наклеузначил Ивану Грозному на Витю с Федей? Они тому человеку доброе дело сделали, просто так резинку ему дали, а он побежал докладывать завучу.

Узнать бы, кто этот предатель, — ух, Витя бы ему с Федей! А если Пчёлкин узнает, как получилось в кабинете у завуча? Но ведь Федя ничего и не сказал про Васю Пчёлкина, только кивнул. Всего лишь навсего кивнул головой. Молча. Выходит, Федя не наклеветал на Пчёлкина? Или всё равно наклеветал?

Может, клевета и предательство — как те пароходы? Там ведь всё равно — на минуту ты опоздал или на час, пароход так и так ушёл.

А тут еще Люба! Со своими вопросами! Не успели Витя с Федей вернуться в класс и сесть за парту, как Люба зашептала им в спину.

— Как, мальчики? Иван Грозный очень ругался из-за билетов? Да? Очень?

На уроке, как известно, положено заниматься делами, а не болтать постороннюю болтовню. И не шептаться. Поэтому Витя ничего не ответил Агафоновой. И Федя, между прочим, тоже сидел молчком, надувшись, словно сыч. У Феде был такой вид, точно это Витя кивнул завучу, а не он сам.

На перемене Люба прицепилась к Вите со своими вопросами, как липучка. И Витя в конце концов не выдержал и взорвался.

— Что тебе от меня нужно-то?! — заорал Витя. — Тоже мне великая доставательница! Это всё, если хочешь знать, только из-за тебя одной! Только из-за тебя! Да ты...

Больше Витя ничего не сказал Любе, только «Да ты...» Потому что Витя вовремя увидел Федино

лицо. И почувствовал, что больше ничего говорить нельзя. На Федином лице это было очень ясно написано. И ещё Витя почувствовал, что ему не только дружить, ему даже противно смотреть на своих вчерашних друзей — и на Федю, и на Любу.

Домой после уроков Витя принял твёрдое решение идти один, без всяких там разных попутчиков, от которых сплошные неприятности. Однако одному у него не получилось. После уроков Витю неожиданно остановил в скверике возле школы дядя Андрюша. Любу с Федей он остановил тоже. Каждого порознь. Потому что Люба с Федей, как ни странно, тоже шли отдельно. Вид у дяди Андрюши был какой-то не такой, как всегда. Не очень-то улыбчивый.

— Что это вы сегодня все по одному? — спросил дядя Андрюша. — Настроение плохое? Ну я вам сейчас его ещё немножечко испорчу. Разговор у меня есть к вам серьёзный. — Усадив ребят на мокрую скамейку, дядя Андрюша сел сам. Он, видно, не знал, с чего начать.

— Зачем вы меня обманули, ребята? — сказал дядя Андрюша. — Ведь ты, Люба, взяла билеты на концерт не у мамы с папой. Зачем же вы так? А?

— Почему не у мамы с папой? — спокойно спросила Люба и посмотрела на дядю Андрюшу чистыми голубыми глазами. Глаза у неё стали даже какие-то грустные.

От Любиного грустного взгляда дяде Андрюше сделалось совсем не по себе. Он заёрзал на скамейке и сказал:

— Так ведь... Вы что, в самом деле, ребята? Тётка-то Клава Сыромятникова, у которой вы билеты доставали, моя родная тётя. Она вам контрамарки в служебную ложу дала. А вы... «Пропадают билеты... Мама с папой всё равно не пойдут...» Убейте, ничего не понимаю. Зачем? Для чего?

— Для того, — хмыкнула Люба, — что у вас, оказывается, дяденька Андрюшенька, родная тётя в театре работает, а вы не можете Светлане Сергеевне билет на концерт достать. Иван Игоревич достаёт, а вы не можете!

— Люба! — воскликнул дядя Андрюша. — Да при чём тут Светлана Сергеевна? При чём тут Иван Игоревич? И вообще, не рановато ли вам, ребятки, совать свой нос туда, куда не следует?

— Когда мы вам билеты принесли, — заметила Люба, — вы этого небось не говорили.

Она неторопливо спустилась со скамейки, провела ладошкой по тёмной от дождя доске.

— Мне домой пора, — сказала она. — Бремени уже много. Меня мама ждёт обедать. И сыро тут. Простудиться тут можно. До свидания.

— До свидания, до свидания, Люба Агафонова, — задумчиво проговорил ей вслед дядя Андрюша. — Спасибо тебе за билеты, Люба. Я про них долго помнить буду.

Ветер пробежал по молодой липе, стряхнул с неё крупные капли воды. Дядя Андрюша вытер каплю со щеки и сказал:

— Совершенно не переносу вранья. По мне, кажется, хуже нет зла на земле, чем ложь. Я потому с тёткой своей не хочу иметь ничего общего, что она лгунья и лицемерка. У неё же на лице написано, что она всё время думает одно, а говорит другое. Ей это представляется обязательным качеством культурного человека. Что же я к ней за билетами пойду? Я уже год, как с тёткой не встречался. Билеты, посмотрел, у нас со Светланой в служебную ложу. Но я ведь думал... Агафонов... Открываю дверь в ложу — здарсье вам! Любимая тётушка. Еле высидели первое отделение. Я бы за ложь не знаю что сделал!

— Так мы, дядя Андрюша, — тихо сказал Витя, — ворсе с Федей и не ввали вам ничего.

— Не ввали? — удивился он. —

Как не ввали? Или, может, у Любиных родителей действительно были билеты? А Любе их не дали, и вам срочно пришлось выкручиваться? А? Так?

— Нет, не так, — покачал опущенной головой Витя. — У Любы не было билетов. Но мы с Федей не знали. Мы же молчали. А Люба всё придумала, чтобы...

И Витя рассказал, как получилось с билетами, про «вопросы по методике» и про всё остальное.

— Получается, для моего блага ввали, — проговорил дядя Андрюша. — Врала одна Люба. Вы — нет. Потому что молча врать нельзя. Так получается?

— Но мы же не знали, — напомнил Витя.

— Сначала, быть может, и не знали, — согласился дядя Андрюша. — А потом, когда у тётки Клавды билеты кланчили? Когда мне их отдавали и якобы они — Любиного папы? Молчали? Но не кажется ли вам, что врун не только тот, который говорит неправду? Не кажется ли вам, что врун и тот, который молчит, когда врут рядом с ним и от его имени?

— Кажется, — прогудел в ответ Феда, не поднимая глаз, — ясное дело, мы и есть самые первые вруны. Ещё хуже, чем Люба. Во сто раз хуже, чем она.

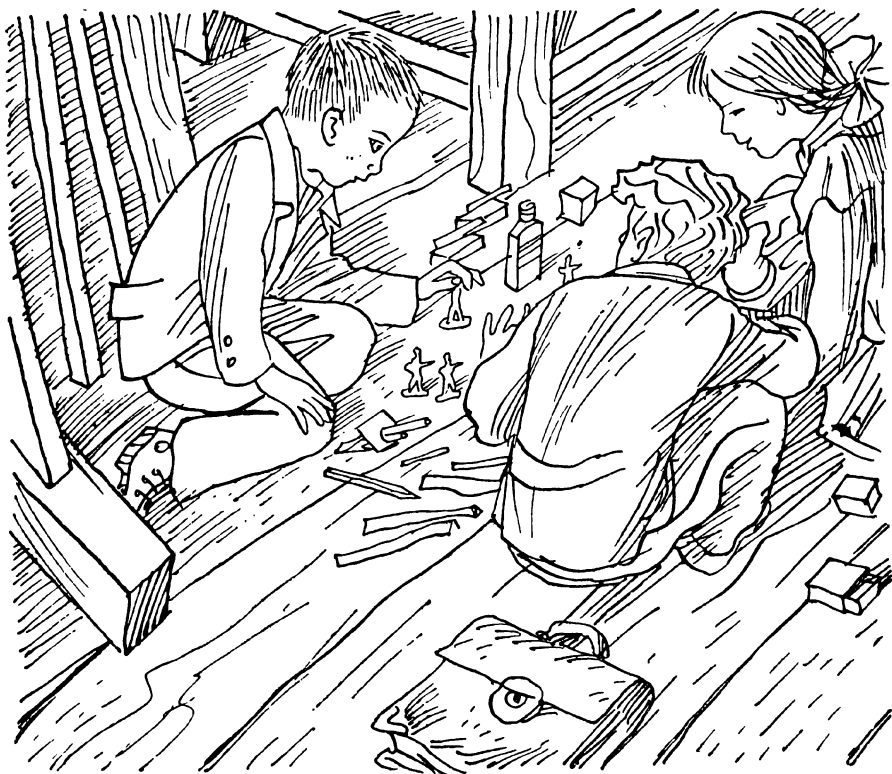
— Почему же в сто-то? — не понял в свою очередь дядя Андрюша. — Ведь у вас действительно вроде Люба заводилой была.

— Потому, — сказал Феда, — что она девочка. И ещё потому, что когда про человека говорят плохое, а его тут нету, так это вообще...

— Что вообще? — сообразив, в чей огород кинут камень, спросил Витя. — Получается, я про неё тут наговариваю. А ты не наговариваешь. Ты сразу в защитничках оказался.

— Ясно, наговариваешь, — прогудел Феда.

— Ах так! — возмущился Витя. — А ты сам у Ивана Игоревича что сегодня в кабинете сделал? Защитничек! «Когда про человека говорят плохое, а его тут нету...»

— Что я сделал? — насутился Федя.

— Ничего! — закричал Витя. — Справедливый какой нашёлся!

ПОЧЕМУ УХОДЯТ ПАРОХОДЫ

В четвёртом классе беды забываются быстро. Уже на другой день после того неприятного разговора с дядей Андрюшей как-то так само собой получилось, что друзья вновь отправились из школы вместе. До Дегтярного переулка Витя, Люба и Федя добрались молча. А у водоразборной колонки Федя сказал:

— Зайдём?

И Люба с Витей взяли и молча пошли к кособокому Фединому дому. Под окном Фединой каморки цвела старая вишня. Она загораживала свет. И в каморке было сумрачно. Слева у стены вместо стола стоял верстак. Армии разноцветных пластмассовых солда-

тиков расположились по обе стороны верстака на потёртых временем голых досках.

Витя с Федей быстро привели в полную боевую готовность все средства нападения. Средств нападения не так уж и много — две пушки. Пушки у Вити с Федей одинаковые. Пружинки в стволах равной силы. Только Витя стрелял из своей пушки красным карандашом, а Федя — синим. Чтобы не перепутать. Вставишь в ствол карандаш, оттянешь пружинку, прицелишься:

— Трубка сто восемнадцать! Прицел двадцать четыре! Огонь!

Бац! Несколько солдатиков лежат. Которые лежат, считаются убитыми. Всех упавших — в медсанбат к главному врачу фронта Любе Агафоновой. Она — один врач на две воюющие стороны. Медсанбатов два, а главный врач — один. Люба справлялась одна на два фронта. И ещё на два фронта —

один полевой телефон. Телефонном пользовались по очереди. И всегда, по Фединому настоянию, начинала Люба. Она сообщала по телефону о количестве убитых и раненых, отправляла на фронты пополнение.

— «Первый»! — крутила она ручку телефона. — Вы меня слышите, «Первый»? Принимайте пополнение. Вылеченные бойцы возвращаются в строй.

— Говорит «Первый»! — гудел в трубку Федя Прохоров. — Приказываю стоять до последнего! Ни шагу назад! Патронов и снарядов не жалеть!

Витя не придерживался телефонной конспирации. «Первый», по Витиному мнению, звучало не очень. «Командующий фронтом» звучало лучше.

— На проводе командующий фронтом! — прижимал Витя трубку к уху. — Слушай мой боевой приказ. Усилить артиллерийскую подготовку. Приготовиться к решительной атаке.

Пушка у Вити была наведена точно на цепь только что вылеченных бойцов. Трах! Красный карандаш ворвался в цепи врага. Пять солдатиков полетели вверх тормашками. А каждый солдатик — целый полк.

— Товарищ командующий фронтом! — закричал сам себе в трубку Витя. — Докладывает начальник разведки. По нашим оперативным данным, уничтожено пять полков противника.

— Не пять, а четыре, — поправил Федя, ставя на ноги одного почти свалившегося солдатика.

Солдатик почти совсем свалился. Если бы не стоящая рядом секретная баллистическая ракета — флакон из-под одеколона «Красный мак», — он бы обязательно упал. Но ракета ему помешала упасть. Он на неё как бы немножечко прилёг. Витя так об этом и сказал. И почти совсем спокойно сказал. Однако Федя всё равно тут же Вите возразил.

— Она ему не помешала, — возразил Федя. — Она его спасла,

— Да упал же твой солдатик! — возмутился Витя. — И совсем бы свалился, если бы не пузырёк.

— Какой пузырёк? Баллистическая ракета, — сказал Федя. — Солдатик чуть-чуть упал, а не совсем. Он вот так стоял. Видишь? Вот так, боком.

— А чуть-чуть у нас не считается, — полезла на защиту Феди Люба.

— Чего чуть-чуть-то? — заорал Витя. — Он у вас, выходит, чуть-чуть умер, а не совсем? Так не бывает, чтобы люди умирали чуть-чуть! Поэтому, раз он упал, значит, считается!

— Люди сколько хочешь умирают чуть-чуть, — словно какая-нибудь учительница, умным голосом пояснила Люба. — Ты просто, Корнев, ничего не понимаешь. Боец был на грани смерти, но мы в госпитале применили все средства и спасли его.

Вот и поговори после этого с Любой!

— Выходит, и... — Витя стал лихорадочно подыскивать подходящий пример, чтобы хоть раз да сразить Любу, — ну и... потонуть, по-твоему, значит, можно чуть-чуть?

— Ясно, можно, — пхикнула Люба. — Человек утонул, а его вытащили из воды, откачали, и он снова живой.

— Может, тогда и украсть можно чуть-чуть?! — совсем вышел из себя Витя.

— Конечно, — подтвердила Люба. — Тысячу рублей украсть — это много, а десять — это чуть-чуть.

Нет, Витя совершенно не мог разговаривать с Любой. Он всем своим существом чувствовал, что она не права, а как доказать это, не знал.

— Да я же вовсе не про такое чуть-чуть! — не своим голосом звывл Витя. — Ты отлично понимаешь, про что я говорю! Ты совсем врунья, Люба! Ты всё время врешь. Я бы за такое враньё, как и дядя Андрюша, не знаю что делал! Я бы...

— Погоди, Витя, — примири-тельно сказал Федя. — Ну, погоди. Что ты кричишь? Ведь солдатик-то действительно не совсем упал. Вот посмотри, как он упал. Посмотри. Видишь как? Не совсем, а чуть-чуть.

— Ничего я не хочу смотреть! — замахал руками Витя. — Спелись?! Вдвоём против одного спелись! Вы очень, прямо прекрасно спелись с Любой, Федя Прохоров! И поэтому у вас чуть-чуть и не считается. У всех людей считается, а у вас — нет. Зачем же ты тогда, интересно, Прохоров, сказал дяде Андрюше, что ты врун ещё похуже, чем Люба? Зачем? А потому, что ты действительно ещё похуже врун!

— Я сказал, что не я врун, — просопел Федя, — а мы с тобой. Ты и я.

— Ха-ха! — засмеялся Витя. — Ты и я. Почему это: ты и я? Ты меня, пожалуйста, к себе, Прохоров, не пристёгивай! Я совершенно не такой врун, как ты. Жалко, дядя Андрюша не знал, что ты ещё и на Васю Пчёлкина наврал. И тоже всё так же потихонечку, молча.

— Я наврал? — сунул куда-то под мышку нос Федя. — Когда же я наврал? Это как раз ты ему наврал. Иван Грозный спросил про Пчёлкина, а ты сразу ему и кивнул.

— Кто... кивнул? — совершенно изумился Витя.

— Ты, — сказал Федя, — он спросил, а ты кивнул. Я ещё удивился: чего это ты вдруг киваешь? Сам притащил в школу резинку и сам киваешь.

— Я кивнул?! — задохнулся от бешенства Витя. — Врёшь ты, Прохоров! Это ты кивнул! Ты!!! Знаешь, кто ты такой после этого?

— Кто? — угрюмо поинтересовался Федя.

— Знаешь прямо кто?

— Ну, кто?

— Ты... — дрожащим голосом проговорил Витя. — Ты прямо совсем нечестный человек, Прохоров. Ты ещё больше врун, чем сто ты-

сяч Люб. Мне с тобой не то что играть в солдатиков, мне с тобой и разговаривать совершенно противно.

ТИЛИ-ТИЛИ ТЕСТО!

Когда Витя вдоволь накричался и схватил портфель, Люба засоби-ралась тоже. И пошла следом за Витей. А сзади — Федя. Но Федя, наверное, больше просто так пошёл, по привычке. Или, может, он испугался, что Люба без него не отыщет дорогу? Кто их знает, этих Любу с Федей!

У водоразборной колонки на углу Дегтярного переуллка ребята, словно по команде, остановились. Встали и стояли, надутые и недовольные. Стояли и, переминаясь, сердито смотрели в разные стороны. Даже Федя с Любой и те почему-то смотрели в разные стороны. Хотя только что изо всех сил защищали друг друга.

Люба смотрела вниз, на Волгу. Федя — вверх, на Вознесенье. Слово любовался высотными домами. Или галок там считал.

У металлического, покрашенного серой краской плоского шкафчика, приделанного к глухому торцу дома, возился парень с отвёрткой. Наверно, телефонный мастер. Витя смотрел на телефонного мастера. Дверца металлического ящичка была открыта. Внутри шкафчика — сотни разноцветных проводов. Парень поколдует в винтиках отвёрткой и — к уху телефонную трубку. А трубка просто так, без ничего. Внизу трубки болтается провод с раздвоенным, как язык у змеи, концом. Парень приложит концы провода к клеммам и говорит в трубку:

— Тамара, это я. Хорошо слышно? Есть, замётано: Карла Маркса четыре, квартира восемь. Лады.

Трубку опустит и снова колдует отвёрткой.

Кажется, Федю тоже заинтересовали металлический ящик и телефонный мастер. Потому что Федя вдруг сказал:

— Нам, наверное, скоро квартиру дадут. У нас дом совсем уже в угрожающем положении. Вчера приходили из райисполкома и говорили. Сказали, недели через две и переселят. Может, тогда нам тоже телефон поставят.

— А ваш дом куда? — спросила Люба.

— Куда! Сносить будут.

— Жаль, — сказала Люба. — Такой каморки, как у тебя, нам уже больше нигде не найти. Если твой дом снесут, где же мы тогда станем наши вещи хранить?

— Придумаем что-нибудь, — сказал Витя, глядя на телефонного мастера.

— А ты, Корнев, помолчи, — грубо отрезала Люба. — С тобой,

Корнев, вовсе никто и не разговаривает. Что ты вообще-то за нами прицепился? Тебя звали? — И передразнила: — Чуть-чуть!

Интересно, кто это к кому прицепился? Витя, что ли, к ним прицепился? Повернуться бы тут Вите да топать от греха подальше домой! Нет, прирос у колонки и стоял. А телефонный мастер ещё раз поговорил с Тamarой в трубку с раздвоенным, как язык у змеи, концом, сказал «лады», закрыл дверцу шкафа на ключ и, прихватив чемоданчик, двинул дальше по своим телефонным делам. Мастер ушёл, а Витя остался. Прирос на одном месте и молчал. И Люба с Фёдей молчали тоже.

(Продолжение следует)

БОЙ С ТЕНЬЮ

1.

В 1947 году Руслан Никулин учился в 9-м классе. Руслан с матерью вернулся из города Ромны, что на Украине. Никулин-младший чудом спасся от угона в Германию: он с хозяйской дочкой Натой (беженцев приютили в хате, утопающей в садах) три месяца прятался в специально отрытой за сараем землянке, которую называли на немецкий манер — бункером. Выходили подышать свежим воздухом лишь глухой ночью. Может, поэтому у Руслана по астрономии были сплошные пятёрки: он помнил небо с бриллиантами звёзд, чёрное и живое, зовущее, волнующее, полное тайн. Они с Натой бродили среди вишен и яблонь, разминали затёкшие ноги, и единственным «кино» для них было родное небо. Когда видели падающую звёздочку, загадывали желание и не спрашивали друг у друга, о чём загадано: мысли подчинялись лишь главному — скорей бы конец войне. Но конец всё-таки казался чем-то очень отдалённым, как старость. При малейшем шуме у реки или на улице замирали, а если раздавалась иноземная речь или шум автомобильного мотора, бросались к бункеру, прятались под землю.

У них имелась книга Войнич «Овод». Днём, когда уставали спать при блёклом свете огарка свечи, до бесконечности читали её, знали наизусть, и не надоедало перечитывать. Наверное, они бы не выдержали трёхмесячного иссушающего подземного заключения, если бы не Она, её величество Книга, без обложки, отсыревшая и рыхлая, как оттаявший кочан капусты.

Вышли они на белый свет осенью, когда кончились облавы, — фашистам стало не до них: подпирали русские танки.

Руслан справил в жизни два огромных, незабываемых праздника — освобождение и победу, но это случилось позднее, через два года.

Дети подземелья... Герои Короленко жили в склепе. После тёмной, душной, сырой землянки Ната слегла от ревматизма. Руслан учился заново ходить. Его расслабляло солнце. Он прятался в тень, и чтобы выйти за ворота, требовалось невероятное напряжение воли: он боялся улицы, прохожих, собак. Выйдет из калитки, сядет на скамейку, оттирает липкий пот; пока дойдёт до магазина — ещё несколько раз присядет. Однажды увидел «хораллей» — трофейный мотоцикл, что, рыча мотором, влетел в улочку, схватился, побежал к дому, но задохнулся, упал... Его подняли бойцы.

— Ты что, паря? — говорили они. — Успокойся, бога ради. Да не трепыхайся ты, вишь аж позеленел.

Они вновь сели на мотоцикл и умчались по своим солдатским делам. То было в Ромнах... В родном городе мечтой Руслана стала лётная школа. Небо влекло, манило его, как река запылённого степной дорогой спутника, и после седьмого класса с благословения матери он поехал поступать в Липецкую лётную спецшколу, куда брали с семилеткой, давали среднее и специальное образование, затем направляли по команде выше, учиться на пилота, штурмана или авиационного инженера, в зависимости от желания и склонностей выпускника. На первой же медицинской комиссии его безнадежно забраковали, вернули документы, вручили литер на обратный проезд, вычеркнули из списков кандидатов.

В длинном пыльном коридоре валялись на полу окурки папирос и самокруток под плакатом «Физкультура — залог здоровья». Изображённый на плакате румянощёкий чудо-богатырь в майке на покатых, как у грузчика, плечах держал в одной руке весло, в другой мяч, и по выражению его лица можно было догадаться, что он мучительно соображает, чем же в конце концов заняться — или гонять мяч, или грести веслом без уключины на шлюпке.

Руслан потоптался в коридоре, прочёл плакат, затем остановился перед стендом «Знаменитые спортсмены нашего города». На нём были любительские фотографии парней и девушек в спортивных формах. Для запечатлённых на фото вопрос «Кем быть?» был решён бесповоротно — они стояли или около параллельных брусьев, или выглядывали из плавательных бассейнов. Около кожного мяча стояло сразу человек шестнадцать молодых, радостных, полных сил и уверенности в себе. Руслан залюбовался фотографиями... Вот бы с кем подружиться! И вдруг внимание привлекли надписи под портретами... «Погибли героями»... Дальше шли фамилии, имена... И эта страшная надпись разбросалась по всему стенду...

— Мальчик, ты к кому? — рядом остановилась девушка лет двадцати — двадцати двух.

— Я по объявлению, — заикаясь от смущения, ответил Руслан и показал областную газету «Коммуна». — Здесь написано, что открывается детская спортивная школа. Я и пришёл.

— Записываться?

— Да, хочу поступить.

Он ещё хотел добавить, что принёс с собой трусы для тренировок, но промолчал, потому что майки у него не было, а купить её можно было лишь на толкучке, получка же у матери, скромной билетёрши театра музыкальной комедии, будет лишь через неделю, так что майки нет, поэтому лучше помолчать, а то откажут, не возьмут в спортсмены.

— Ты работаешь, учишься?

— Учусь... Буду дальше учиться. Пойду в восьмой.

— Сколько же тебе лет?

— Шестнадцать... Семнадцатый.

— А в какую секцию хочешь?

Руслан долго мялся, почувствовал, как вспотел лоб, и, пересилив страх, выпалил:

— В боксёры хочу! Мне боксёром надо!

Девушка не удивилась, не рассмеялась, — наверное, для неё естественным было, что долговязый, тощий подросток желает стать тяжело-весом ринга. Она заглянула в ближайшую дверь, крикнула:

— Добин! К тебе пришли!

В коридор вышел высокий красивый мужчина с чёрной вьющейся шевелюрой. На груди играли радужной колодочки наград и нашивки за ранения.

— Ты, что ли?

— Ага! Вот объявление. Хочу поступить.

— Оперативно сработал. Ну, проходи! Садись давай. Значит, пришёл... Между прочим, первый. Ничего, школу организуем, наберём ребят. Как тебя зовут?

Руслан назвал.

— Красивое имя! — похвалил Добин. — Оперное, между прочим. А с тобой говорила Людмила. Значит, пришёл... Куда тебя записать?

— В бокс... Хочу драться боксёром.

— Во-первых, дерутся хулиганы, а боксёры работают; во-вторых...— Он оглядел фигуру Никулина.— Рычаги длинные, это хорошо для дальнего боя, но в клинче запутаешься в ходулях. Шея длинноватая — плохо подбородок прикрывать плечом. Слушай, братишка, давай в баскет или в лёгкую атлетику. Мне кажется, лучше будет.

— Нет. Хочу работать боксёром.

— Не работать... Ты же не на стройку пришёл поступать работать каменщиком. Вместо глагола «драться» употребляется глагол «работать», ферштейн? Работать на ринге, а не боксёром. Лады! Давай запишу. Но хочу предупредить...— Предупредить он не успел, вошёл стремительно парень, припадая на костыль.

— Добин! — завопил он с порога.— Так не пойдёт! Толику Дом офицеров, а мне Строительный институт! Да у них здание не полностью восстановили, лекции в коридорах читают и в подвале... Танцы тоже на втором этаже в коридоре. А ты хочешь, чтоб я вёл секцию.

— Подожди в коридоре,— сказал Добин Руслану.

Никулин вышел, хотя мог и не выходить: тощая фанерная дверь «кабинета» не заглушала разговора.

— Володя,— говорил Добин,— вот поэтому мы и назначили Толика старшим тренером и отдаём ему подростков. Когда ты шёл сюда, сколько раз читал призыв: «Из пепла и пожараиц восстановили родной город!» Ты же сам учишься на последнем курсе Строительного института, единственный парень среди девочек, да и то с костылём... Не кипятись, я тоже калека. Ты будешь восстанавливать дома, а... про людей забыл? Давай тебе сразу рекорды? Джо Луиса...

— Ты мне политграмоту не излагай! — резко возразил Володя.— Спорт — дело мужественных и сильных, тем более бокс.

— Но ты же ходишь с костылём!

— Вот поэтому я и тренирую, а не тренируюсь. А то бы...

— Королёва побил?

— Выступал бы не хуже Щербакова.

— Да, подавай тебе Джо Луиса...

— Ну, а что ты хочешь? Из безногих боксёров сделать?

— Между прочим, я веду в военном госпитале, как тебе известно, лечебную медицину.

— Правильно! Я сам проходил курс лечения, пока ногу разработал. Понимаешь, разработал! Во, гляди, какие коленца выделяет.— Послышались звук отодвигаемого стула и сопение...

— Перестань балетничать,— устало сказал Добин.— Нас пустила администрация ДК с разрешения командующего округа. Пока два раза в неделю, и то хлеб. И будет там с огольцами проводить тренировки Толик Каменский, а вы, Владимир, будете со своими Джо Луисами тренироваться три раза в неделю в коридоре Строительного института — вопрос с дирекцией решён,— там, где устраиваются по субботам танцы.

— Я буду добиваться отмены.

— Дерзай, мой друг, дерзай! Эй, Руслан, иди сюда! Всё, Вова, разговор окончен.

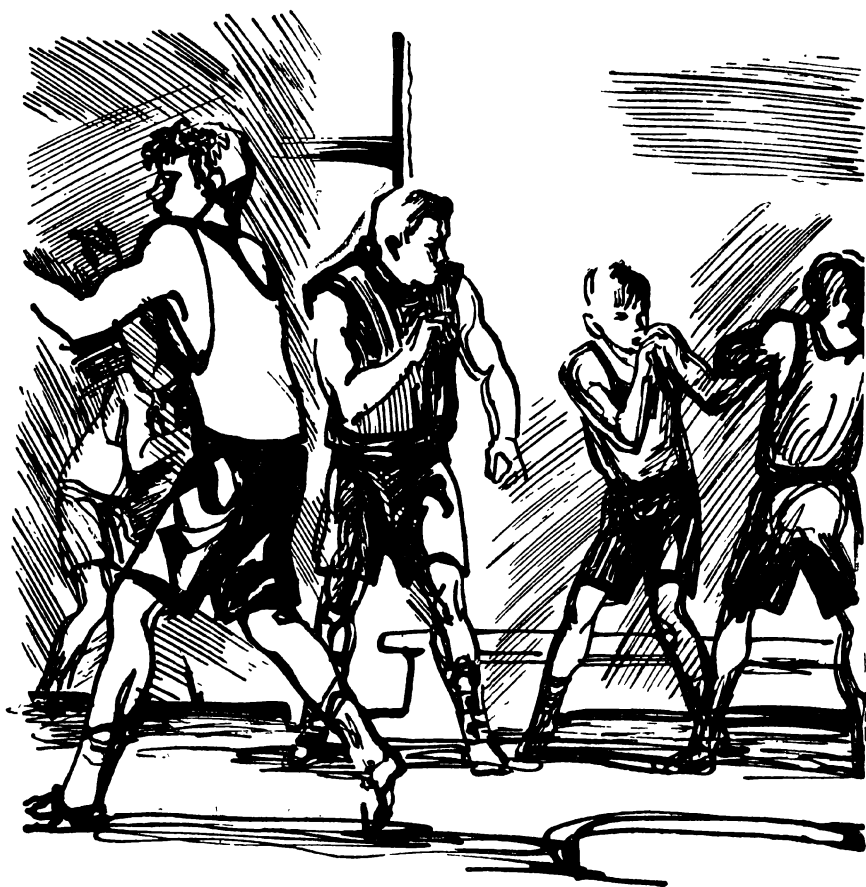
Руслан вошёл. Володя фыркнул:

— Левша!

Не то похвалил, не то обозвал, и вышел.

— На чём мы остановились прошлый раз? — как учитель, спросил Добин.

— Хотели о чём-то предупредить.

— Вспомнил! Первая тренировка на будущей неделе в семь тридцать в ДК. Приходи с формой. Так... Учти, если у тебя с боксом не пойдёт, приходи опять ко мне, я тебя в лёгкие атлеты запишу. У тебя бег пойдёт. Это я точно знаю. Тебе нужно ноги тренировать, обростут мускулами, будешь бегать...

ИЗ СПОРТЗАЛА доносился лязг и скрежет металла, точно на палубу броненосца с мачты сбрасывали по частям разобранный паровоз, затем раздавалось таинственное и пугающее: «Ух!» Руслан выбрал дальний угол в раздевалке, поёживаясь снимал одежду, с опаской поглядывая на таких же, как и он, растерянных мальчишек. Ему казалось, что, как только он разоблачится, все набросятся на него и затеют дикую потасовку. Сосед, инвалид Отечественной войны дядя Гриша, авторитетно говорил:

— Знаешь, как становятся боксёром? Сам пробовал... Придёшь, тебя отдубасят на чём свет стоит, на этом всё и кончится.

— А зачем меня дубасить? — усомнился Руслан, ибо дядя Гриша был человеком эмоциональным и любил сгущать краски.

— Как зачем? Перво-наперво нос расквасят, чтобы терпение испытать. Тренер будет гонять, чтоб ты искал пятый угол... Это у них проверка. Выдержишь — значит, будешь драться, а испугаешься — какой из тебя кулачный боец? Никакой. Кишка тонка.

— На ринге не дерутся, а работают,— вспомнил Руслан разговор с Добинным.

— Работают? — Дядя Гриша посмотрел пристально на парня и сплюнул под единственную ногу.— Работают, друг, на заводе или на стройке, а на этом, как его, кругу дерутся, аж лопатки трещат.

Мать, Ольга Семёновна, когда сын открылся ей, завздохала, закашлялась,— она страдала лёгкими: приобрела хроническую пневмонию в оккупации,— склонила голову набок, сказала с опаской:

— Ты уж смотри сам, Русик. Спорт — это хорошо, закалка требуется, особенно тебе, но на рожон не лезь, подучись, пригодится в жизни, и уходи, а то прибьют. Не связывайся с тяжеловесами.

Из тех ребят, кто пришёл вместе с Русланом в секцию, стыдась своей болезни тела и немощи, тяжеловесов явно не было. Лишь один парнишка внушал опасения,— на нём оказалась новая, отлично подогнанная спортивная форма; он открыл фибровый чемоданчик, достал лёгкие ботинки с длинными верхами, наподобие тех, в которых щеголяли в начале века, но без каблучков, и вынул пару настоящих боксёрских перчаток. Новички замерли и с испугом уставились на боксёра.

— Готовы? — вошёл в раздевалку сухощавый мужчина с короткой причёской. Он был в свитере-безрукавке и в трусах, на ногах у него тоже красовались боксёрки — специальная спортивная обувь.

— О, да тут, оказывается, есть и ветераны,— увидел он парнишку с перчатками.— Как зовут? Где тренировался?

— Стасик Макаров,— сказал ветеран,— тренировался в Свердловске, в Доме пионеров.

— У кого?

— У Иванова.

— Серьёзный человек. Ребята, давайте быстрее. Макаров, будешь старостой. Пора разминку начинать. Пошли!

3.

С Колькой Корниловым Руслан познакомился на первой тренировке. Корнилов приехал в город из деревни учиться в Строительном техникуме. Кольку недолюбливали за его самоуверенность, даже побаивались. Если доходило до драки, легче было оглушить его оглоблей, чем заставить сказать: «Сдаюсь!» Подобное качество пользовалось у мальчишек уважением.

Анатолий Каменский объяснял самый элементарный и самый главный удар — прямой левой. Будущие боксёры стояли парами друг против друга и одновременно плёпали по раскрытым ладоням партнёров.

— Удар! Ещё удар! — скользил от одной пары к другой тренер.— Не замахивайтесь. Как дрова рубите. Кулак должен быть на прямой с рукой, иначе подвернёте кулак или вывихнете. Защиту скулы будем доводить до автоматизма. Ты чего закрываешь глаза? У нас в части служил солдат. Как нажмёт на спусковой крючок, перед выстрелом глаза закрывал,— чуть своих не перестрелял.

— Физкульт-привет! — раздалось от двери.

В зале стало тихо, питомцы Каменского с опаской глядели на Володю, тренера Строительного института: за его спиной стояли боксёры.

Тренировки в институте начались на два месяца раньше, поэтому институтские казались новичкам чуть ли не ветеранами ринга.

— Чего пришли? — проворчал Каменский, недовольный непрошеным визитом коллег.

— Посмотреть, познакомиться, обменяться опытом,— бойко ответил Володя.— И подарок принесли, а то у вас голь-шмоль перекатная.

Он кивнул головой, и в зал ввалились институтские. Перед Каменским положили солдатский мешок, известный в народе под именем «сидор».

— Что в нём? — спросил недоверчиво Анатолий.

— Погляди!

Подарок был бесценным — стопки спортивных маек, трусов, пара новеньких боксёрских перчаток. На майках красовались ромбы с эмблемой института — кирка и лопата.

— Ну, спасибо! Ну, удружили! — подобрел Каменский. — Мальчишки! Переодеваться!

А сам схватил перчатки, как девочка долгожданную куклу, разве только не заворковал от счастья.

Вот тогда Руслан и заметил Сундука. Под глазом у Кольки темнел здоровенный синяк: Володя придерживался иного метода тренировки — он ввёл спарринги с первого дня.

— Не умеют? — распоряжался Володя в зале. — Научатся! Техника придёт со временем, а воля к победе — это от бога, как талант у поэта.

— Нет! Нет! Ни в коем случае, — запротестовал Каменский. — Воля к победе тоже воспитывается постепенно. Я против душевной травмы ребят.

— Да что тут у тебя, кружок вышивания? — наседал Володя. — У меня сразу половина отсеялась, зато остались орлы.

Орлы сидели молча на низенькой скамейке возле шведской стенки с ссадинами, вспухшими губами и фингалами под глазами, как гости на свадьбе у хулигана. Вид у них был кровожадный, но скучный. Руслан вспомнил вещице слова соседа дяди Гриши.

— Давай! Давай! — хорохорился Володя, припадая на раненую ногу. — Вот ты, левша! — обратился он к Руслану. — Сколько у тебя вес? Шестьдесят четыре килограмма? Коля, это твой вес. Левша, не робей! Левостороннюю стойку успеешь отработать. Коля, давай!

Со скамейки поднялся Сундук и быстро разделся до майки и трусов.

— Я запрещаю! — сказал решительно Анатолий, понимая, что левша по имени Руслан намного слабее крутосбитого Коли.

— Разрешите? — поднял руку, как на уроке, Стас Макаров. — Правда, у меня вес меньше...

— А это кто? — насторожился Володя, увидев на ногах «петуха» боксёры.

— Новичок! — мягко ответил Каменский.

Стасик бинтовал руку... Делал он это спокойно, привычно.

— Что ж... — теперь уже забеспокоился Володя. — Можно и в другой раз. Не стоит травмировать новичков.

— Я готов! — сказал Макаров. Он подошёл к тренеру: — Запну-руйте, пожалуйста, перчатки.

— Ладно! — успокоился Володя, про себя отметив разницу в весе. — Коля, держи противника на дистанции. Не волнуйся! Проведёшь показательное выступление. Рефери буду я.

Руслана поразила ярость Сундука: это был не бой, а скорее уличная драка. Мелькали в воздухе перчатки Кольки, казалось, он смял Макарова, — тот только отступал, «нырял», уклонялся. Колька кидался разъярённым быком, проскакивал мимо, чуть не врезался в шведскую стенку, задел тыльной стороной перчатки судью.

«Прибьёт Макарова, — с тоской думал Руслан. — Я бы встретился, наверняка меня бы за ноги в раздевалку вытащили... Изуродует парня».

— Стоп! — скомандовал Володя и как-то грустно добавил: — По техническим причинам, — он поднял руку Макарова, — бой выиграл ты! Ничего, время покажет. Техника — дело наживное.

К всеобщему удивлению, у Стаса не было ни царапинки, с Кольки ручьями лил пот, а под глазом обозначилась синева, которая на следующее утро обещала стать фиолетовой.

4.

После тренировок тело болело, точно пытали на дыбе. Первые робкие ученические бои... Каждый бой для Руслана был великим насилием над собой. Подкатывался страх. Если древние говорили, что душа обитает в сердце, то страх прятался в животе, точно что-то лопалось там, внутри, тёмное, липкое, гнусное. Руслан, как в дурном сне, выходил на середину зала один на один со своим страхом. Руки перехлёстывались, ноги деревенели. Каменский специально ставил его в пару с более лёгким по весу: Анатолий догадывался, чем вызвана скованность воспитанника. Партнёр, пользуясь случаем, волтузил «длинного»; к счастью, удары скрадывали перчатки.

— Стоп! — останавливал бой тренер. — Что ты, как пьяный! Не прыгай, работай ногами. Наступай! Ладно, иди, проводи бой с собственной тенью.

Первый бой! Его ждали с нетерпением и трепетом, как первый бал или свадьбу. Только на официальных соревнованиях идут отметки в квалификационный билет, и только победы дают право на все — союзный третий юношеский разряд — первое звание спортсмена.

А Руслан всё ходил новичком среди новичков...

Однажды Анатолий приказал Макарову провести с ним бой.

Как выяснилось, у Стасика оказался второй разряд; пожалуй, он был более техничным бойцом, чем сам Каменский, потому что Анатолий давно дисквалифицировался — его последний бой прошёл весной 1941 года, перед самым началом войны, а боксёр без ринга уподобляется, как сказал Володя, тренер институтских, «лыжнику без лыж, птице без крыльев, певцу без голоса». Небольшого роста, подвижный, с большим чувством юмора, Стасик пользовался всеобщей любовью.

Руслан разволновался: нет, он не боялся, что Стас пойдёт в нокаут. Нокаут возможен между равными и опять же на официальных встречах. У боксёров непреклонная этика — сильный в команде учит слабого, но не избивает. Команда — многоликий, но спаянный организм. Руслана испугало другое — собственная беспомощность.

Стас работал вполсилы. Так старый волк натаскивает волчонка, позволяет шалить, но когда укусы щенка становятся слишком болезненными, старик придавливает его лапой.

Во втором раунде Руслан встречным ударом останавливает атаку Макарова. Макаров не ожидал такой прыти от новичка.

— Молодец! — разгорячился Каменский. — Наступай! Не давай противнику опомниться!

Руслан неожиданно опустил перчатки.

— Продолжай бой! — разъярился тренер.

— Стасик, извини! — сказал Руслан.

— Ничего, ничего! — ответил Стас. — Это я виноват. Забыл про защиту. Зазнался. — Он закинул голову, чтобы остановить кровь из носа. — И получил! Ерунда!

— Бой! — крикнул тренер.

— Я не могу! — сказал Руслан. Зубами развязал узел на перчатке, ушёл в раздевалку.

— Чего это с ним? — не понял Макаров.

— Продолжайте занятие! — распорядился тренер и тоже пошёл в раздевалку.

— Куда ты? — оторопел Каменский. — Почему ты прекратил? Так дело не пойдёт! С тобой придётся тогда расстаться.

— Правильно, — беззлобно согласился Руслан. — Вы извините, Толя, но, видно, боксёр из меня не получится. Не могу я бить человека в лицо. Ненавижу кулачную расправу.

— Так это же бокс, — удивился тренер, — тебя что, кровь испугала?

— Да! Уж пусть лучше меня бьют, чем я человека по лицу. Я первый раз в жизни человеку нос разбил. И не врагу, а другу. Я же не фашист.

— Трус ты! — разозлился тренер.

— Не знаю, — ответил Руслан.

Каменский подошел, разъярошил Руслану волосы:

— Мальчишка ты мой, мальчишка. Понимаю. Только ведь бокс — иное. Кровь пускают неопытные, малообученные.

— Я не могу!

— Решай сам. Тебе, может быть, действительно лёгкой атлетикой заняться?

— Всё равно я буду приходить самым последним.

Мать ушла на работу — отрывать «контроль» на билетах любителей оперетты. В тот вечер ставили «Сильву». Паровое отопление в наспех восстановленном пятиэтажном доме, как всегда, барахлило, в комнатах стояла стужа, «буржуйки» летом по строжайшему приказу коменданта вынесли, дабы избежать «непредвиденной опасности возгорания».

Руслан ужинал на общей кухне. Свою дневную норму хлеба (400 граммов по ученической карточке) он съел днём, мать оставила в шкафу под блюдцем кусочек от своей (тоже 400 граммов, но по карточке служащей), оставила для него, оторвав от себя.

Он снял с плиты кастрюльку с разогретой похлёбкой, жадно ел: после тренировок особенно хотелось есть.

Он хлебал похлёбку и думал. Он стал другим. Он видел бомбёжки, расстрелы, зверства, он пережил ужасы, когда сознание было восковым, не сцементированное убеждениями и собственным «я», которые помогают контролировать поступки, пересилить рефлекс самосохранения. Он вдруг понял, что стал спокойнее, что, например, если бы сейчас пошёл по улице в Ромнах и на улицу неожиданно вылетел, стреляя мотором, трофейный «хораллей», он бы не прибавил шагу, если бы даже в нём сидели не наши, а фашистские солдаты. Хотя нет... Он метнулся бы к дыре в заборе, если бы вдруг началась облава, он не хотел, чтобы его затолкали в телячий вагон и повезли в проклятое рабство, он бы спасался, но не панически, а фиксируя каждое движение, осмысленно — значит, более разумно и надёжно.

В коридоре слышались прыжки, от которых этажом ниже на потолке закачался абажур, — в кухню пришёл на одной ноге дядя Гриша. Плюхнулся на табуретку, пустил клуб махорочного дыма, закашлялся, положил культю на уцелевшую ногу, задрал опущенную штанину, почесал обрубок.

— Пятку стёр, — пожаловался он, — протез не башмак, не сносишь, пальцы наружу не вылезут. Рубаешь?

— Ага.

— Рубай, рубай компот, он жирный.

Инвалид протянул растопыренные ладони к плите.

— Закоченел. Вот у нас был случай...

Он опять закашлял, гулко и продолжительно, со злостью открыл дверцу топки, бросил туда измусоленную самокрутку.

— Чёрт, привязалось, — сказал он, — до войны не курил, теперь втянулся, никак не могу бросить. Я про случай тебе хочу рассказать.

— Курите меньше.

— Мне совсем курить нельзя, врачи запретили напрочь. Ноги нет, ну и нет, новая не отрастёт. У меня же правое лёгкое вроде сита — осколками от мины. Какая-то жидкость скапливается. Сегодня гоняли в тубдиспансер на рентген. Слушай, а что у твоей матери? У неё что, лёгкие не в порядке?

— Вроде ничего, — ответил Руслан, скобля ложкой пригоревшую картошку. — Была простужена, когда фашисты выгоняли от снега аэродром расчищать. Вроде прошло.

— Вроде дяди Володи, — сказал инвалид, — я её сегодня тоже там видел, в диспансере.

— Проверяется...

— Нету силы воли бросить курить, — опять пожаловался инвалид. — Пробовал, чувствую, через три часа уши пухнут. Мне бы за компанию.

Поклясться друг перед другом, что ни-ни-ни, ни затылки, а если не выдержишь, так вроде товарища предал, тогда я смогу осилить себя. Разговор был старый, неинтересный.

— Подбрось-ка дровец, — попросил дядя Гриша. — Я дверь в комнату открою, а то ветер с севера, как на полюсе.

Руслан нагнулся, сунул в топку полено, но плита уже прогорела, раздувать жар было бесподручно — полный рот картошки. Он вынул из-под кастрюли старый учебник по литературе, рванул несколько страниц, скомкал, положил под полено на угли.

— Чего рвёшь? — приподнялся инвалид, прочитал, склонив голову пабок, название учебника, заволновался: — Грамотей... Кто же учебник рвёт!

Опустился с шумом перед плитой на колено, выхватил страницы, притушил.

— Кто же книжки жгёт, тем более учебник?..

— Устаревший, матери всучили на барахолке, а теперь другие. Он не нужен.

— Брось брехать! — махнул рукой дядя Гриша. — Учебник всегда нужен, не тебе, так мне. Я вот семь классов не успел окончить. Учебники, они, брат, всегда при деле.

— У нас другие, новые.

— А не нужен, в музей сдай, — не согласился сосед, расправил обожжённые листки на коленях. — Грамотные шибок стали! В них мудрость человеческая. Вот.

Он прочёл фразу на листке, шевеля губами.

— Слушай. «В жизни всегда есть место подвигу». Точно. Жаль, дальше сгорело. «Всегда есть место подвигу». Точно! Я тебе про случай-то... Эх, черт! Забыл, что хотел рассказать, — сказал он.

Он посидел, подумал. Руслан мыл кастрюльку под краном в раковине, напор воды был слабым, вода текла рывками, точно где-то через шланг переезжала телега. Дядя Гриша опять зачадил самосадам. Табак он носил в левом нагрудном кармане гимнастёрки, правого у него не было. Гимнастёрка выцветшая, выдававшая виды.

— «Имеет место»... — никак не мог успокоиться инвалид. — На передовой я знал место, а здесь, теперь... Что совершить? Дом построить? Я бы рад... Постой, я сбегая.

Он «сбегал» на одной ноге, принёс гитару. У дяди Гриши водилась слабость — любил побренчать на семиструнном инструменте.

— Мне товарищ песню завещал, — сказал он и негромко запел:

*Обыкновенный русский человек,
Каких у нас в России миллионы.*

Руслан знал слова песни, её дядя Гриша напевал не раз. Он подхватил припев:

*Обыкновенный русский человек...
На нём простые солдатские погоны.*

Дядя Гриша прикрыл широкой ладонью струны:

— Говорят, «бессмертный герой». Брехня это! Все герои смертны, бессмертны их дела. Друг умер, а песня осталась. Подвиг... его ещё заслужить нужно, заработать.

— Я не согласен, — отозвался Руслан, думая о своём. — Подвиг — это вроде озарения. Раз — и свершил...

— «Раз — и свершил», — передразнил дядя Гриша. — Раз — и в дамки. Врёшь, браток, так не бывает. Вот ты на боксёры готовишься... Сколько ты тренируешься, сияжков сносишь, прежде чем чемпионом станешь?

— А я бокс бросил,— сказал Руслан, пряча ложку в стол.

— Иди ты! — Дядя Гриша присвистнул.— Кишка тонка оказалась, срейфил? Не выдержал?

— Не могу по чужим носам бить, противно.

— Ух ты, как несопротивленец, значит? — иронически произнёс инвалид.— Значит, другие воюйте, а ты винтовку в руки не возьмёшь, вроде дезертира.

— Тут другое,— ответил Руслан,— считайте, что кишка тонка оказалась, вот такая,— и он показал мизинец.

— Номер! — Дядя Гриша закашлял, притушил папироску.— Характера не хватило. Слушай, Руслан,— имя-то у тебя какое — давай со мной в договор вступим, а? Я брошу курить, а ты будешь заниматься боксом.

— Не, дядь Гриш,— замотал головой Руслан.— У меня нет спортивной злости.

— Подумаешь,— произнёс с иронией дядя Гриша.— У нас в деревне в Ново-Углыновке, под Усманью, каждый престольный праздник кулачки были. Стенка на стенку... Без всякой тренировки. Бой начинали пацаны. Сначала толкались, а как по носу дадут, тут тебе злость и появляется. Только кулачки в тридцатых годах запретили — хулиганство потому что, но у тебя другое, у тебя спорт. Был бы спорт, а злость появится, по себе знаю,— закончил он и достал клочок газеты, чтобы свернуть очередную самокрутку.

6.

На ноябрьские праздники из Ромн в гости неожиданно приехала Ната. Приехала не одна, с подружкой Верой, рыжей толстушкой, у которой даже зимой лицо напоминало подсолнечник. Руслан пришёл из школы — учился он во вторую смену,— открыл ключом дверь, вошёл, на кухне сидели две девушки. Он вначале подумал, что кто-то приехал из деревни к дяде Грише.

— Здравствуй, Русик, не узнаёшь? — вышла в коридор дивчина, высокая, чернявая, с косой.

— Добрый вечер!

Руслан глядел на неё... Где-то он вроде видел эту девушку, и когда только заметил вторую, вспомнил.

— Как вы сюда попали?

— Соседи пустили.

Руслан растерялся, бросился к двери комнаты, дёрнул висячий замочек,— замочек висел для вида, открывался он без ключа.

— Что же вы на кухне сидите? Проходите.

К «последним известиям» по радио пришла из театра мать. Сидели до часу ночи, вспоминали пережитое. Спать Руслан пошёл к дяде Грише, расстелил на пол кусок брезента, под голову положил учебники. На его койке легли почевать «валетом» гости из Ромн.

НА «РОЗ-МАРИ» он вёл гостей по главной улице, проспекту Революции, и рассказывал, кивая на дырявые, как ломтики голландского сыра, стены развалин, что, когда здесь было.

— А это гостиница «Бристоль»,— сказал он и остановился перед коробкой; на фасаде сгоревшего здания сохранилась дореволюционная облицовка из голубых керамических плиток.— В ней Олеко Дундич самолично вручал генералу Шкуро ультиматум от Будённого. Дундич скрылся, а в городе среди белогвардейцев началась паника. Здорово?

— Ага! — сказала Ната.

Она была несловоохотливой, слушала Руслана, как тогда, «сто лет назад», когда они ночью выбирались из бункера в сад подышать настоящим воздухом и Руслан, настороженно прислушиваясь к звукам за сараями, за оградой, шёпотом рассказывал какую-нибудь прочитанную книгу, безбожно перевирая текст, или в открытую фантазировал о том, как люди полетят к звёздам. Это было невероятно давно, в другой жизни, теперь уже казавшейся полуфантастическим кошмаром.

Верка без конца перебивала Руслана, задавала неожиданные и глупые вопросы. «А Ната красивая!» — подумал Руслан. Они шли с Натой «по-суворовски», на некотором расстоянии друг от друга. Верка хотела взять Руслана под руку, он отстранился: было стыдно, что знакомые ребята увидят, как он «тащит на прицепе» рыжую толстушку.

Они пришли в Музкомедию за десять минут до начала спектакля. Мать пропустила без билета, успела шепнуть:

— Уж я думала, что вы не придёте, — и украдкой сунула в карман сыну «красненькую» — тридцатку, чтобы угостил «невест» в буфете лимонадом.

Билетёрши, подруги матери, провожали Руслана взглядами, улыбались и многозначительно хмыкали. Когда дали третий звонок, фойе опустело, появилась мать.

— Молодые люди! — позвала она сына с девушками. — Только тихо! Возьмите стулья. Эти, эти, у стены. Идите за мной. — Она открыла вы-

сокую дверь, выкрашенную в белый цвет, откинула тяжёлую портьеру, показала, где поставить вдоль стены друг за другом стулья.

— В антракте вынесите, потом опять возьмёте.

Из оркестровой ямы доносились последние аккорды увертюры, зажглись огни ramпы, сверху, с боков ударили потоки света, занавес дрогнул, раздвинулся, на сцене была Америка, опереточная, а может, и настоящая, — кто её видел, Америку? Это не фашисты, фашистов знали на ощупь.

— Ты, — неожиданно услышал сзади Руслан. — Двигай стул назад, а то застилаешь сцену.

На сороковом и сорок первом месте десятого ряда сидели два лба, подвыпивших парня с Гусиновки, пользовавшейся недоброй славой окраины города. Лица их были знакомы, хотя, как зовут парней, Руслан не знал.

«Из Сада строителей», — догадался Руслан: в каждый сад, вернее на каждую танцплощадку, ходили лишь с определённого района города, а вторжение, например, завсегдатаев из ЦПКиО в тот же Сад строителей воспринималось как приглашение к неперенной драке. Руслан ходил в Сад Дзержинского.

— Слышь ты! — шумели «строители». — Тебе говорят, отзынь назад!

— А кто вы здесь такие? — бросил через плечо Руслан. — Пришли — сидите, нечего командовать, не у себя дома.

На мальчишек зашикали, вдоль стены проскользнула Анастасия Владимировна, сказала:

— Молодые люди, прекратите хулиганство!

Но молодые люди не захотели прекратить. Под арию индианки их с шумом выставили из зала при помощи двух офицеров.

Спектакль продолжался.

Затем было продолжение, но отнюдь не оперетты: гусиновские, дождавшись окончания «Роз-Мари», в ближайшем скверике выглядели Руслана с девушками в толпе, покидавшей театр через единственный выход — вход. Догнали в ближайшей полутёмной улице. Улица называлась Пушкинской.

Коты, прежде чем пустить в ход когти, долго мяукают, орут истощенными голосами, запугивая друг друга. Нечто подобное произошло и на тёмной улице, с той лишь разницей, что гусиновские старались не шуметь.

«Хоть бы девчонок не обидели», — с тоской думал Руслан. За себя он не боялся. Происходящее казалось глупым и нереальным.

— Что вам надо? — закричала Верка и выскочила вперёд, заслонив собою Руслана: оказывается, она не забыла, что он «чокнутый», после облав в Ромнах.

— Отойди! — попросил её Руслан. — Я с ними сам разберусь.

Его спокойный тон удивил девушку и гусиновских тоже.

— Ну что? Чего надо? — шагнул навстречу хулиганам Руслан. Он знал, что если начнется драка, его побьют безжалостно, потому что был слабее любого из врагов, а те навыки, которые он приобрёл в секции бокса, по сути дела не помогли бы ему — он научился только стойке, а она сковывала, так как, кроме прямого удара левой, Руслан больше ничего не умел.

— Не трожь их! — вдруг сказала Ната.

Это мать похвасталась, что Руслан стал боксёром, и девушка поверила в его силу.

— А чего, пусть даст! — разгорячилась Верка. — Боксом их! Боксом, чтоб не приставали.

И Руслан зачем-то встал в стойку...

И тем не менее это подействовало: гусиновские растерялись. Они слышали, что открылась спортивная школа, что кто-то где-то тренируется...

— Ладно, ладно! — понятились они: их больше всего напугало спокойствие парня. Кто его знает, кто он такой? Раз уверен в себе, то ведь не зря уверен.

— Мы просто потолковать... Рукам волю-то не давай. Мы мимо шли.

Когда Руслан стелил на пол брезент в комнате соседа, дядя Гриша сидел у приёмника, слушал окончание праздничного концерта из Большого театра. На приёмнике стояла консервная банка, полная окурков.

— Я принимаю твои условия, — сказал Руслан. И, видя, что дядя Гриша не понял, о чём он говорит, добавил: — Заключаем договор. Ты бросаешь курить а я опять пойду к Каменскому. Ты прав: злость спортивная или какая она там, неспортивная, приходит, когда тебе хотят дать по носу.

И он вынес банку в кухню, высыпал окурки в помойное ведро.

А ПЕРВЕНСТВО по городу Руслан выиграл. В финальном бою с Колей Корниловым — Сундуком. Заслуженно. И не по очкам, а за преимущество.

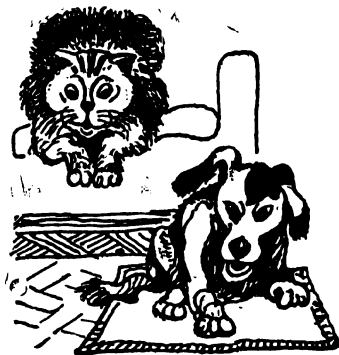
Олег ТАРУТИН

Странная история

*У кога была собака.
Трудно верить, но была.
Кот и сам порою кричал,
удивлялся: — Ну дела!..
И не раз пытался вспомнить,
как возник в квартире пёс:
может быть, пришёл*

*бездомный,
может, кто-то преподнёс?
Может, сам его купил он
в помрачении ума?
Может, нужно это было?
Но зачем? Опять туман...
Кто он? Дог? Овчарка?*

*Пудель?
Что он ест? Когда он спит?
Для чего вся эта удаль?
Кто при ком тут состоит?
Ну, допустим, площадь —
пёсья,
и понятно всё тогда.*

*Ну, а плащ, что тётка
носит?
А кастрюли? А тахта?
...Бедный кот давался диву,
проклиная свой склероз.
И глядел миролюбиво
из угла довольный пёс.*

Разные бывают люди.

Один как кошка лазает по деревьям, носится, изображая сразу нескольких индейцев, шумно хохочет, фехтует на палках, сражается в снежки сразу с пятерыми.

Другой любит сказки, фантастику, готов часами рассказывать небывалые, страшные истории, и неизвестно, прочёл он их или сам придумал.

Третий человек — молчун. Он очень рассеянный, этот третий, — с трудом запоминает лица, имена, всё время где-то что-то забывает, а сам всё время думает, думает о чём-то, думает и губами при этом шевелит.

Четвёртый — «ходячая энциклопедия». Отлично знает географию, превосходно — биологию, неплохо разбирается в математике, физике.

Как непохожи эти четверо!

А если соединить их в одном человеке!

— Нереально! — скажете вы, и ошибётесь, потому что такой человек существует. Это восьмиклассница 473-й школы Таня Гаенко. А если ко всему вышесказанному добавить ещё, что Таня пишет стихи...

Впрочем, именно эта способность, наверное, и помогает четырём разным натурам уживаться в одном человеке.

Таня Гаенко занимается в поэтическом кружке при «Ленинских искрах». Весной этого года Таня побывала в Артеке, строгое жюри признало её лучшим поэтом дет-коровской смены.

Откуда на свете летучие мыши?

*В Египте раз, давным-давно
(Прошло три тыщи лет),
Все кошки стран и городов
Собрались на совет.
И стали кошки говорить:
«Мы любим молоко.
Но ведь его всегда добыть
Сравнительно легко.
А мышка — вот деликатес!
Но ловишь целый день...
За птичкой прыгать надоест,
За рыбкой плавать лень.
И всех в отдельности лови:
Ползи, летай, нырай...
Нет, надо вырастить гибрид,
Не трата время зря!»
И вот гибрид уже готов,
И все вокруг глядят,
Как рыбы, к радости котов,
Над солнами летят.
И кошки пляшут на трубе,
Глядят с высоких крыш,
Как в синей звёздной вышине,
Пища, летает мышь.*

С а я н ы

*Как молодые драконы,
Когда-то были Саяны.
Их гребни острыми были,
Дышали пасти огнём.
Прошли веков миллионы,
На шкурах морщины, ямы,
Драконы глаза закрыли
И дремлют ночью и днём.*

Стих не вышел

*Если стих не вышел у меня,
Я всегда забыть его стараюсь.
Только он, как угли от огня,
В глубине горит, не разгораясь.
Только он, как пойманный зверёк,
Всё скребётся, просится на волю,
Как под камнем запертый цветок
Прорасти старается на поле.
Стих не вышел — и в плену сидит.
Но тому, который лучше будет,
Он частички отдаёт свои,
Чтобы тот донёс их всё же людям.*

Таня ГАЕНКО,
8-а класс, 473-я школа.

Рис. Г. Монсеевой

Н. Т. ЧЕРНИГОВСКИЙ

МЕДВЕДЬ И ПОВАР

Канун нового, 1937 года. Полярная станция на мысе Челюскин, крайней оконечности азиатского материка, одна из самых крупных научных баз советской Арктики. Домики, где живут и работают пятьдесят два человека, разбросаны по каменистой тундре. На краю посёлка стоит отдельный дом, в котором помещаются столовая-клуб с небольшой сценой, кухня и комната повара. Вместе с Алексеем Михайловичем проживает его помощник, хлебопёк Олег Култашев.

В конце декабря на мысе Челюскин самые тёмные дни — середина периода полярной ночи. Темно даже в полдень. Если небо ясное — луна светит круглые сутки, как солнце в полярный день. Только в новолуние луна невидима. Но сегодня небо пасмурно, идёт снег, метёт метель — настоящая новогодняя погода.

На кухне полярной станции кипит предпраздничная работа. Шеф Алексей Михайлович, высокий полный зимовщик в белом фартуке и накрахмаленном колпаке, хлопочет у плиты.

— Кажется, Стеша, близок конец нашим приготовлениям, — говорит он своей помощнице, буфетчице, молодой рыжеволосой женщине.

— Да, Алексей Михайлович, в кладовке все полки заняты: студень, ветчина, колбаса, сыр, голец, селёдка. Всего вдоволь.

— Ничего, Стеша, полсотни наших ребят живо очистят все блюда. Насилу заставил Олега пирогов испечь. Открою вам секрет, сегодня уже можно: Олег целый месяц создавал из зелёной бумаги и проволоки ёлку. Получилась как настоящая, особенно издали. Игрушки из картона и бумаги склеил. Дерево украсил гирляндой автомобильных электроламп. Ёлка — загляденье! Но, сказать по правде, если бы не вы,

Стеша, не знаю, как бы я один управился к празднику. Вот вы лук резали, глаза у вас красные, слёзы текут, а всё равно работаете... Нашему Олегу на сцене играть или декорации рисовать. Его кулинария не интересует.

— Да уж поплакала вдовсталь, Алексей Михайлович,— смеётся Стеша,— давно так горько не плакала, как сегодня, под Новый год. Должно быть, в Новом году ждёт меня радость большая...

Внезапно за стеной раздался грохот и треск ломаемых досок.

— Стеша,—крикнул шеф-повар,— посмотрите, кто забрался в коридор! Неужели дверь на улицу открыта?

Буфетчица попыталась открыть дверь в коридор. С трудом поддалась дверь нажиму Стеши.

— Алексей Михайлович,— закричала помощница повара,— видно, сюда упряжка собак забралась!...

— Сейчас приду, Стеша, только оленьё жаркое в духовку поставлю. Зажгите в коридоре свет и прикрикните на собак!

Стеша погладила большую собаку, однако ей показалось, что пёс что-то слишком велик. Буфетчица попятилась назад, в кухню, и включила электричество. Когда зажегся свет, Стеша и подоспевший Алексей Михайлович ахнули от неожиданности: в коридоре спиной к ним стоял огромный белый медведь. Оттолкнув буфетчицу в глубь кухни, повар закрыл дверь на засов.

Стеша выбежала на улицу через столовую. Повар бросился на сцену, чтобы предупредить Олега, который продолжал украшать ёлку. В это время из большого жилого дома направлялась на наблюдения погоды дежурный метеоролог Мария Павловна. Увидев сквозь метель три белые фигуры, она пронзительно закричала и бросилась в дом, задыхаясь от волнения и бега, ворвалась в коридор и крикнула:

— Скорее, медведи в кухне! Скорей!

Первым выбежал магнитолог, на ходу он заряжал винтовку. Пропустив бегущую буфетчицу, он открыл

огонь по наступающим ее двум «медведям», т. е. по повару и хлебопёку.

Магнитолог был близорук, а тут ещё стёкла очков запотели и их залепила снегом метель. «Медведи» закричали на русском языке:

— Не стреляй! Медведь в кладовке!

На станции шли разговоры, что однажды магнитолог обстрелял из нагана ропак (отдельную льдину, вмёрзшую в береговой припай), прибив его за спящего медведя.

Рассыпавшись в цепь, зимовщики прочесали всю станцию, но мишку не обнаружили. Он бесследно исчез.

В десять часов вечера начался праздничный ужин. Зимовщики, обычно одетые в ватные брюки и свитера, были неузнаваемы: белые верхние рубахи с галстуками, полуботинки вместо валенок. Всё, как в Ленинграде! В столовой было очень тепло и по-домашнему уютно. Пахло рыбой и пирогами. Совсем как в Архангельске! На почётном месте возле начальника полярной станции Василия Васильевича сидел справа шеф-повар, рядом с ним — хлебопёк Олег, создатель бумажной ёлки. Слева от начальника расположилось семейство Стеши: ее муж, каюр — погонщик собак — Коля, и маленькая полярница Зоя, такая же

белолицая и рыжеволосая, как её мама Стеша.

Начальник поздравил всех с наступающим Новым годом и затем добавил:

— Алексей Михайлович, Стеша и Олег, я очень рад, что всё кончилось благополучно. Желаю вам, как и всем присутствующим, долгих лет жизни. Думаю, что вчера утром, когда гидрологи возвращались из похода на вездеходе, они нарушили покой хозяина тундры. Потревоженный мишка пришел на станцию выяснить, кто его разбудил не вовремя и почему, а кстати и встретить вместе с нами Новый год.

— А ведь я говорила вам, Алексей Михайлович, что в Новом году меня счастье ждёт,— сказала громко Стеша.— Вот оно, большое счастье: сами живы остались, да и

мишка живым в тундру ушёл. Напрасно убивать медведя нельзя. У него весной тоже семья будет. Малыши родятся. Живут медведи здесь давно, а мы только гости, на год приехали. И вот оленей стреляем, белух бьём и медведям прохода не даём. Ох уж эти охотники! Готовы всех перестрелять, всё живое уничтожить, если волю им дать!

— Запрет нужно наложить, Василий Васильевич,— закончила буфетчица свой предновогодний тост.

В полночь все вышли на улицу, чтобы ружейным салютом приветствовать новый, 1937 год. Погода ухудшилась. Крепчал ветер, снегопад и метель усиливались.

А запрет на охоту на белого медведя у нас в стране вскоре был наложен. Теперь полярный мишка охраняется законом.

Рис. В. Адаева

Рельсы, рельсы, рельсы...

(К фотографии на 3-й странице обложки)

КАКОЙ МАЛЬЧИШКА не мечтал о железной дороге, о той, которая разбежалась бы по полу комнаты! Да и не только мальчишки мечтают об этом. Многие взрослые занимаются этим настолько серьёзно, что иной раз трудно подойти к прилавку, где продаются действующие модели вагонов и тепловозов.

Это и естественно. Ведь наша страна по длине железных дорог занимает первое место в мире. И хотя сейчас есть и самолёты, и автомобили, железнодорожный транспорт свои позиции не сдаёт.

Все знают о БАМе, одной из величайших строящихся магистралей мира. БАМ даст возможность ещё активнее использовать богатства Сибири на благо нашего народа. А всё началось с маленькой, почти игрушечной железной дороги, которая была открыта 30 октября 1837 года между Петербургом и Царским Селом (ныне г. Пушкин). Первые поезда ходили пустые. Просто боялись на них ездить: гремит, стучит, дым из трубы валит. Страх этот становится совсем непонятным, если вспомнить, что за двадцать с лишним лет перед этим был открыт Институт инженеров путей сообщения и в 1813 году был организован даже Музей железнодорожного транспорта.

Вот уже 162 года существует музей, и, конечно, коллекции его уникальны. Здесь вы познакомитесь с моделями паровозов, изобретённых отцом и сыном Черепановыми, увидите макет уже упомянутой Царскосельской дороги, узнаете о строительстве (уже после 1917 года) Великой транссибирской магистрали, узнаете об изобретателях тепловозов М. Я. Гаккеле и Н. А. Шишкине. Но самое интересное — это модели различных паровозов, тепловозов, электровозов и вагонов. Оказывается, вагоны бывают такие разные, что даже трудно перечислить всё то, для чего они предназначаются. Тут и рефрижераторы, и спальные, и цистерны, и для перевозки скота, и думкары...

И, конечно, всегда много народу у действующей модели железнодорожного узла. Это та мальчишечья мечта, которая воплотилась в жизнь. Бегают поезда по мостам и туннелям, зажигаются огни семафоров, скатываются с горки вагончики, чтобы потом превратиться в длиннющие товарные составы...

Трудно оторваться от этого зрелища и уйти. И кажется, что рельсы убегают из музея куда-то далеко на восток, а игрушечные поезда вдруг вырастают и несутся вперёд, к Тихому океану.

Некоторые из вас, ребята, пишут стихи. Одни — «просто так», забавляясь, другие относятся к этому делу серьёзно, стараются овладеть азами стихотворного ремесла, занимаются в поэтических кружках, читают специальную литературу. Пожалуй, в каждой школе есть свой «поэт» (а то и не один!), стихи которого печатаются не только в стенгазете, а и в детских газетах и журналах.

Это, конечно, приятно, когда про тебя говорят: «он — поэт!» Но — хочется думать — всякий, занимающийся стихотворчеством, понимает: хотя он и пишет стихи — и даже, может быть, весьма неплохие, — поэтом его можно назвать пока очень условно. Авансом, что ли... И уж, во всяком случае, сам себя он так, наверное, никогда не назовёт, сознавая, что сказать: «Я — поэт» — по меньшей мере нескромно. Ведь это почти всё равно, что публично расхвалить себя...

Даже опытные, признанные, всем известные мастера стесняются о себе так говорить. А если и говорят, то обычно с оттенком иронии. Очень уж это ответственно и почётно — именоваться ПОЭТОМ! Вот почему, говоря о школьных стихотворцах, я поставил слово «поэт» в кавычки.

В наше время — в век всеобщей грамотности — стихи пишут многие. Ведь овладеть (поверхностно) основами стихосложения нетрудно: достаточно уяснить себе, что такое ритм, рифма, стопа, строфа, и практически каждый при желании сумеет написать «гладкие», по всем правилам сделанные стихи. Но всякое ли стихотворение можно назвать высоким именем ПОЭЗИЯ?

Встречаются (и нередко) стихи, о которых понимающие читатели справедливо говорят: это рифмованная проза. И напротив, порой даже о прозаическом по форме произведении можно с уверенностью сказать: это настоящая поэзия!

Впрочем, «знатоки своего дела» (я имею в виду тех из вас, кто пишет стихи) в таких «тонкостях», должно быть, разбираются. А вот не «поэты», а те ребята, которые просто любят стихи, а как их писать, не знают, — те, наверное, удивятся.

«Как же так? — подумают они. — Если расположенных столбиком, ритмически звучащих рифмованных строк недостаточно для того, чтобы стихи отвечали всем требованиям настоящей поэзии, то что же ещё нужно?..»

«Волшебная палочка». Поэтический дар. Умение даже в самом привычном и будничном увидеть что-то новое, своё, увидеть и показать другим. Причём сделать это с помощью самых простых общеупотребительных слов.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ПОЭЗИИ

Прочтите — вдумчиво, неторопливо:

*Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет прошло с тех пор —
и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор ещё бродил
Я в этих рощах.*

*Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянечкой моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов её тяжёлых,
Ни кропотливого её дозора...*

Вам грустно, не правда ли? Очень ясные, немудрёные слова, а вы не только «видите» «опальный домик» поэта, но и «слышите», как печально шумят рощи, ощущаете гнетущую тишину и невольно стараетесь представить себе то далёкое прошлое, о котором вспоминает А. С. Пушкин. И грусть поэта об ушедших годах его жизни передаётся вам. Стихи льются, как песня, завораживают, их хочется запомнить и — повторять, повторять...

Почему же так трогают, так чаруют нас эти бесхитростные строки, внешне похожие к тому же на прозу (ведь здесь нет даже рифм — стихи белые)? Объяснить это нелегко. Есть в поэзии нечто трудноопределимое, почти неуловимое, что от-

личает её от прозы и что способен понять лишь тот, кто обладает достаточно выраженным поэтическим слухом.

«Лучшие слова в лучшем порядке» — так определил французский писатель Г. Мопассан сущность истинной поэзии. «Поэт мыслит образами», — говорят другие.

Действительно, если в приведённом примере стихи отличаются простотой и чёткостью письма, отсутствием иносказаний, то в других поэтических произведениях всевозможные литературные обороты играют очень большую роль. Метафора, эпитет, сравнение, гипербола, аллегория не чужды и прозе, но в поэзии используются особенно широко, с их помощью поэту удаётся кратко и убедительно выразить свои мысли, чувства. Хорошие стихи образны и потому немногословны. Настоящее стихотворение не поддаётся пересказу.

Всем известно стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус».

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далёкой?..*

При попытке «вольного пересказа» вы натолкнётесь на непреодолимую трудность. Если в первых двух строках всё как будто ясно (в тумане моря парус белеет), то что вы скажете дальше?.. Парус «ищет»? Парус что-то где-то «кинул»?!

Нет, не пытайтесь этого делать, у вас определённо ничего не получится, потому что всё стихотворение — это, в сущности, развёрнутая метафора, и виднеющийся «в тумане моря голубом» парус — символический образ гордой, мятежной человеческой души...

А посмотрите, как своеобразны «Стихи о времени» С. Я. Маршак:

*Быстро дни недели пролетели,
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колёсико — Среда...
Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, — неделя молода.
А в Четверг она уж у порога.
Поворотный день её — Среда.
Есть колёса дня, колёса ночи,
Потому и годы так летят.*

*Помни же, что дни у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.*

Удивительно оригинально выразил поэт мысль о быстротечности времени, до него об этом никто ещё так не говорил, и стихи, которые вы только что прочли, не могут не удивить вас своею свежестъю, новизной восприятия, поэтической образностью. Их «коснулась» «волшебная палочка» большого поэта.

РАБОТА-НЕВИДИМКА

Но чудес на свете не бывает, и даром человеку ничего не даётся, даже если он — «волшебник»...

Профессиональные поэты нередко слышат от вас, ребята, очень трудный для них вопрос: «Как вы работаете?» Или: «Как это у вас получается?..»

Каждый отвечает по-разному, но обычно ничего существенного вы ни от кого из них не добьётесь. Один попробует отделаться шуткой, другой начнёт объяснять, но вдруг беспомощно разведёт руками и скажет: «Право, не знаю как... Взял вот и написал...»

Не подумайте, что автор не желает серьёзно разговаривать с вами на эту тему или что у него есть как-то творческие тайны, которые он не хочет выдавать: чаще всего он действительно не знает, «как это получилось» у него...

Автор — и не знает?! Но что же тогда сказать о тех далёких от искусства слова людях, которые вовсе не имеют о работе поэта никакого представления?

Работа поэта... Не секрет, что некоторые откровенно не считают её работой, презрительно именуя стихи «какими-то там стишками». Занятие это они не принимают всерьёз, и им кажется, что написать стихотворе-

ние — сущие пустяки, нет ничего проще...

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Расул Гамзатов в книге «Мой Дагестан» рассказывает, что когда он однажды (будучи уже известным поэтом) приехал из Москвы в родной аул, односельчане, почтенные старцы с натруженными руками, сказали ему с упрёком, что вот, мол, сколько лет уже пишешь ты стихи, Расул Гамзатов, а когда же работать будешь?..

Да, все имеют понятие о труде тракториста, учителя, шофёра. На виду у многих сложная работа врача, медицинской сестры. Мы видим, как трудится строитель, как обслуживает покупателя продавец. А вот поэта за работой мало кто видит...

Где его рабочее место? Письменный стол?.. Но стол иногда подолгу пустует: хозяина нет дома... Многое надо увидеть поэту, со многими людьми встретиться, он должен быть в гуще событий, которыми живёт страна, должен «копить впечатления», «собирать материал», как говорят литераторы. А стихи писать можно не только дома: ведь «орудия труда» поэта весьма просты — бумага да карандаш, и всё это всегда под рукой. Главное — уединиться где-нибудь, пусть это будет поле, лес или пустынный уголок городского парка.

Так же, как любому, кто занимается умственным трудом, как вам, ребята, когда вы, например, упорно бьётесь над математической задачей, поэту для работы нужна тишина. И чтобы никто не отвлекал, чтобы тут же можно было громко прочесть только что написанные строки, проверить на слух, не стесняясь, не боясь, что кто-то услышит (шутка ли: человек сам с собой разговаривает!..). Но не всегда в наш беспокойный век можно отыскать такие идеальные условия. Что же делать? Работать! Везде — дома, на улице, в поезде, в самолёте...

...Двигается, покачиваясь, мерно постукивая, вагон пригородной электрички. Пассажиры заняты кто чем: разговаривают, читают, дремлют или

просто рассеянно смотрят в окно, — надо же как-то скоротать время... А чем занят этот пассажир?.. Ведёт он себя непонятно: то смотрит куда-то в одну точку отрешённым невидящим взглядом, то вдруг торопливо выхватывает из кармана ручку, записную книжку и что-то быстро-быстро пишет... Зачёркивает... Пишет снова... И опять «уходит в себя»...

— Что это за станция? — спрашивает вдруг сосед.

— А? Что?.. Станция?.. Сейчас посмотрим...

Ах, досада! И надо же было так некстати заговорить: какие слова, какая чудесная строка ускользнула от сознания — вот поди теперь снова ищи её...

Но... разве мог знать простодушный сосед, что он помешал кому-то работать. Кто же в вагоне работает, в вагоне едут на работу!

...Ночь. Темно, тихо, лишь за окном слышен глухой шум улицы. Все спят. А ему, поэту, не спится. Он всё думает и думает над той коварной, уже много дней не дающей в руки строкой — как её написать? Так?.. Или, может быть, так?.. Нет, всё не то, не то! Ничего не выходит...

...По немногочисленной аллее неторопливо, из конца в конец и обратно, шагает человек. Прогулка? Да. И — работа. Напряжённая, сосредоточенная. Но едва ли хоть один из идущих мимо прохожих догадается, что человек этот — работает. Никому и в голову не придёт!

Однако, может быть, то, что сейчас невидимо им «обрабатывается», обернётся потом популярным стихотворением или песней, станет достоянием миллионов людей!..

В мозгу поэта, вечно настроенном на «поэтический лад», стихи могут возникнуть где угодно, при самых различных обстоятельствах. «Поэт работает даже тогда, когда он лежит на спине и смотрит в небо», — полупуть заметил Расул Гамзатов. Как знать, быть может, именно так, в минуты «отдыха», лёжа на траве и глядя в голубые просторы ясного дагестанского неба, сочинил он своё изумительное по силе воздействия на

человеческую душу стихотворение «Журавли», ставшее текстом известной и всеми любимой песни...

НЕ ТАК-ТО ЛЕГКО...

Случается, необходимые слова и строки приходят вдруг, обрушиваются каскадом — только успевай записывать!.. Помните, у Пушкина:

*И мысли в голове волнуются
в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им
бегут,
И пальцы просятся к перу, перо
к бумаге.
Минута — и стихи свободно
потекут.*

Но так бывает нечасто.

Известный советский поэт С. Щипачёв рассказывает, что однажды, написав буквально за несколько минут две строфы одного стихотворения, он никак не мог придумать третью, заключительную: все варианты отпадали. Требовавшийся к себе мастер, С. Щипачёв лишь через год, снова вернувшись к этому стихотворению, одолел-таки неподатливую строфу, и стихотворение наконец было закончено.

О приливе внезапного вдохновения рассказал К. И. Чуковский в статье «Признания старого сказочника». Вот как он описывает свою работу над сказкой «Муха-цокотуха»:

«Поэму я задумал давно и раз десять принимался за неё, но больше двух строчек не мог сочинить... А теперь я написал без малейших усилий весь листок с двух сторон и, не пайдя в комнате чистой бумаги, сорвал в коридоре большую полоску отставших обоев и с... чувством бездумного счастья писал безоглядно строку за строкой, словно под чью-то диктовку».

Но дальше читаем:

«В сущности, «Муха-цокотуха» — единственная моя сказка, которую от первой строки до последней я написал сгоряча, в один день, без оглядки, по внушению нахлынувших на меня неожиданных чувств. Остальные сказки дались мне не так-то легко».

И действительно, судя по дальнейшим признаниям автора, работа, к примеру, над «Айболитом» шла уже далеко не так гладко: «Мне нужны были четыре стиха, и ради них я исписал мелким почерком две школьные тетради». «Много бумаги мне пришлось исписать, прежде чем я нашёл окончательный вариант...» «...Эти двустистишия я добыл ценою многодневных трудов, о которых я нисколько не жалею, ибо, если бы я не прошёл через долгую полосу неудач, я никогда не пришёл бы к удаче».

Вот сколько настойчивости, терпения необходимо поэту, чтобы создать что-то стоящее! Но ведь бывает, что и не повезёт...

Стихотворение написано, а... стихотворения нет! Не вышло. Не получилось. Нет в нём чего-то такого, без чего оно «не звучит», не радует. А уж если не радует автора, то наверняка не найдёт отзвука и в сердце читателя. Ведь тем и сильна поэзия (как, впрочем, и любое другое литературное произведение), что удивление, восторг, радость, печаль — всякое чувство, испытанное автором, — обязательно должны передаваться читателю. Если, конечно, стихотворение написано искренне, не притворно.

Вот ещё одно неперемнное условие из тех, которые предъявляет автору поэзия: искренность, честность. Покрывил поэт душой, выдал мнимое чувство за истинное — и опытный читатель сразу это поймёт.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ТЕМЫ

Неудача ждёт автора и в том случае, если он как следует, досконально не знает то, о чём пишет. Не случайно каждый большой поэт, имея свой стиль, свой «голос», приходит в поэзию и со своей темой, то есть пишет главным образом о пережитом и пережитом им самим.

Предположим, литератор — уроженец деревни, прожил много лет или живёт там, любит свой край, землю, людей, дела и обычаи которых ему хорошо знакомы, — это и будет главной темой его произведений.

Или — потрясла человека война. Потрясла настолько, что и по прошествии десятков лет после Победы не может он без волнения вспомнить те страшные годы... Как же не написать ему об этом, не излить свою душу людям — ведь он поэт!

Кто говорит, что на войне

не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

Строки эти настолько правдивы и искренни, что, увидев их в книге стихов Юлии Друниной, просто невозможно удержаться, чтобы не прочесть всю книгу, от начала до конца. И в большинстве стихотворений поэтессы, бывшей фронтовички, шагнувшей в пекло войны со школьной скамьи, конечно же, будет звучать эта «солдатская» тема.

А как же пишет «детский» поэт? Взрослый, серьёзный человек — он, наверное, и забыл то далёкое время, когда был мальчишкой (или девчонкой). Где ему теперь понять вашу жизнь, вникнуть в ваши дела, в ваши игры и заботы!..

Забыл?.. В том-то и дело, что нет! Редкий случай, — но в нём настолько ясна память детства, ему так дорого всё, что с ним связано, что он должен был, он просто не мог не стать

детским писателем! К тому же человек этот — обязательно весёлый, любит пошутить, а порой и по-детски подшутиться, даже если обстоятельства не всегда к этому располагают...

Вернусь опять к статье К. И. Чуковского.

«...У меня с юности было — да и сейчас остаётся — одно драгоценное свойство: назло всем передрягам и дрязгам, вдруг ни с того, ни с сего, без всякой видимой причины, почувствуешь сильнейший прилив какого-то сумасшедшего счастья. Особенно в такие периоды, когда надлежало бы хныкать и жаловаться, — вдруг вскакиваешь с постели с таким безумным ощущением радости, словно ты пятилетний мальчишка, которому подарили свисток».

Такие «приливы счастья» Чуковский называет «возвращением» в детство. И, вспоминая всё о той же, так быстро и удачно написанной им «Мухе-цокотухе», он с добродушной улыбкой рассказывает:

«Когда же в моей сказке дело дошло до изображения танцев, я, стыдно сказать, вскочил с места и стал носиться по коридору из комнаты в кухню, чувствуя большое неудобство, так как трудно и танцевать и писать одновременно».

Очень удивился бы тот, кто, войдя в мою квартиру, увидел бы меня, отца семейства, 42-летнего, седоватого, обременённого многолетним подённым трудом, как я ношусь по квартире в дикой шаманской пляске и выкрикиваю звонкие слова, и записываю их на корявой и пыльной полоске содранных со стенки обоев. В этой сказке два праздника: именины и свадьба. Я всею душою отпраздновал оба».

Ну, а как всё-таки рождается замысел того или иного стихотворения? И снова — трудный вопрос...

Балкарский поэт Кайсын Кулиев однажды сказал по этому поводу: «Если бы кто-то из поэтов написал книгу о том, как рождались у него стихотворения, то книга была бы нарасхват». И тут же поведал о том, как придумалось у него одно из стихотворений: «Был у меня такой слу-

чай. Жена уехала в Москву с детьми. Я остался один. Нёс домой хлеб. Буханку хлеба. Пришёл домой, пошёл на кухню. Там я сидел до этого, книгу читал. Книга осталась раскрытой. Я пришёл, положил рядом хлеб. Казалось бы, что за факт? Но вдруг возник образ, возникла идея: хлеб и книга. Я написал стихотворение о хлебе и книге...»

Возник образ... В большинстве случаев именно так и появляются стихи: какой-то, казалось бы, незначительный эпизод, кем-то оброненная фраза — всё это может послужить толчком к написанию интересного по мысли стихотворения. Дальше «работает» авторское воображение, художественный вымысел, фантазия — то главное, без чего писателю трудно было бы вообще что-нибудь написать.

А что же можно было написать о хлебе и книге?.. Поэта эти две привычные для всех вещи, лежащие рядом, настроили на глубокие философские раздумья.

Стихотворение Кайсына Кулиева «Хлеб и книга», символизирующее единство физического и духовного труда, хочется привести полностью.

*Солнце греет землю, красит небо,
Подступает к окнам белый сад.
Книги рядом с караваем хлеба
В доме на столе моём лежат.
Хлеб и книга. Скрыты в них*

недаром

*Кровь и сок земли, где мы живём.
Их сжигало пламя всех пожаров,
Все владыки шли на них с мечом.
Хлеб и книга, вечные от века,
На столе лежат передо мной,
Подтверждая мудрость человека,
Бесконечность щедрости земной.*

ПОЭТИЧЕСКИЙ СЛУХ

Поэт — тот же художник. Только художник имеет дело с красками, поэт — со словами. «Картину», со-

зданную поэтом, мы не видим, но можем представить её в воображении. У неё будет определённая гамма «красок» — свой «колорит». Какие-то «тона» будут как бы приглушены, окажутся на втором плане, а что-то яркое, красочное, составляющее суть «картины», — привлечёт наше внимание...

Поэт в какой-то мере и музыкант: ведь «картины» его звучат, имеют свой ритм, и в музыке этой не должно быть фальшивых ноток...

Нередко поэту бывает важно подобрать слова таким образом, чтобы придать стихотворению определённый звуковой тембр, фонетическую выразительность. Достигается это путём применения повторов различных звуков.

Аллитерация, звукопись, звукоподражание, рифма — всё это, вместе взятое, составляет так называемую ИНСТРУМЕНТОВКУ стиха. В стихотворении А. С. Пушкина «Зимний вечер» в первой же строке будто бы слышится завывание ветра:

Буря мглою небо кроет...

«У... о... е... о...» — «стонут» слова.

И дальше:

То по кровле обветшалой

Вдруг соломой зашумит,

То, как путник запоздалый,

К нам в окошко застучит.

Ну и погода! Так и чувствуешь, как под напором ветра ходуном ходит «ветхая лачужка» и явственно слышишь все эти вихри, шорохи, постукивания ставен...

С помощью звукописи, звукоподражания, намеренно подобрав «грохочущие» и «рокочущие» слова, Ф. Тютчев написал стихи о грозе:

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом...*

А вот какими «неспокойными» словами изобразил А. Пушкин бурную во время наводнения Неву:

*НеВа Вздубалась и реВела,
КотЛом КЛЮжоча и КЛубясь.*

Слова эти благодаря ударной аллитерации — повторению согласных звуков (в данном случае «в» и «кл») — как бы сами пеняются и кипят...

Видите, поэту надо иметь поистине музыкальный слух!

Да, нелегка «работа-неведимка»! Но, наверное, сколько-нибудь убедительно рассказать о её нелёгкости тоже не так-то просто... Если кто-то из вас, дорогие читатели, не шутя, а серьёзно пытается освоить поэтическое мастерство, то, конечно, скорее поймёт всю его «необъяснимую» сложность, потому что испытает всё на себе.

Талант, сила воли, упорство, умение стойко переносить неудачи (а их будет несравненно больше, чем удач!), а кроме того, естественно, большая начитанность, высокая культура — вот что необходимо тому, кто мечтает посвятить свою жизнь ПОЭЗИИ.

СОРЕВНОВАНИЯ

НАШИ ШЕФЫ, шестой-а, соревновались с шестым-б, кто лучше и быстрее поможет одеться в раздевалке своим подшефным. И вот после звонка мы помчались в раздевалку, и тут началось это одевалочное соревнование. Два шестых уже ждали своих первокурсников. Очень строгое жюри устроилось на подоконнике, чтобы лучше видеть. Пятисотсвечовые лампочки вкрутили дополнительно к дневному свету. Самодеятельный школьный струнный оркестр расположился недалеко. Оркестр грянул, и пошло! Ой, что тут было!

Моим шефом был Светик Остров. Он очень волновался. Как только я подбежал к нему, он заорал:

— Давай ногу! Ну! Ногу давай! Суй в ботинок ногу и не рассуждай, малыш! Нужно быстрее! Ты быстрее можешь? Ну!

С трудом он запихивал мою левую ногу в правый ботинок, и я не рассуждал.

— Не везёт, вот напасты! — ворчал он и тряс меня за ногу изо всех сил. Но я держался за вешалку и не падал. Вешалка качалась, и сверху падали шапки.

— Давай другую ногу! Побейстрее! Ну! И не рассуждать!

— Как же я тебе другую ногу дам? — сказал я. — На чём же я тогда стоять буду?

— Не рассуждай, малыш, много ты понимаешь!

— Опусть мою ту ногу, — сказал я, — тогда я тебе дам эту.

— Ну, быстрее давай, не рассуждай!

Теперь он стал напяливать левый ботинок на мою правую ногу. Я ему сказал об этом.

— Не заметят, — отвечал он, — раньше нужно было говорить, малыш! Не время рассуждать, пойми. Где шапка? Шапка где твоя?

— Да вон, Васька её нацепил.

— Чего это он? Ну, даёт! Ладно. Некогда тут рассуждать. Бери Васькину! Побейстрее!

— А Васькину вон только что сейчас Пчёлкин надел...

— Хватай тогда Пчёлкина шапку. Быстрее! Где она? Какая? Покажи мне. Вот не ожидал... никак не ожидал, что может так с шапками получиться!

— И Пчёлкиной нет, — говорю, — ни одной шапки нет, все расхватали...

— Без шапки иди! На авось! Выручай своего шефа! Что творится! Мы пропали! Проиграли! Вот досада... Э-эээ! — Он очень суетился и вспотел.

Светик ловко надел на меня пальто, и пальто было тоже чужое. И я сказал ему об этом.

— Не снимать же его, малыш! Где мы тут сейчас найдём другое? Бодрей держись! Не дрейфь! Улыбайся жюри. Как будто ты в своём пальто! Давай!

И я побежал. На авось.

Пальто толстяка Вовки Ивина болталось на мне мешком. Нестерпимо жали мои собственные ботинки.

— Здравствуйте,— сказал я жюри.

— У тебя с одеждой всё в порядке? — спросил член жюри.

— Так точно, всё в порядке,— сказал я по-военному.

Он смотрел на моё пальто, а я ему улыбался.

— А где шапка? — спросил он.

— А я закалённый,— сказал я, улыбаясь.

— Как это понять?

— Я в школу без шапки пришел,— сказал я, улыбаясь.

— Ишь ты, предусмотрительный,— сказал член жюри.

— Так точно, предусмотрительный,— сказал я по-военному.

— И всегда ходишь в школу без шапки? — спросил член жюри.

— Всегда,— сказал я, улыбаясь.

— Ишь ты,— повторил член жюри. Он не знал, как со мной поступить: засчитывать или не засчитывать, и внимательно посмотрел на мои ботинки.— Зашнурованы неплохо, ишь ты!

— Неплохо,— сказал я.

— Так все без шапок придут,— сказал он.

— Придут,— сказал я.

Тогда он сказал (в который раз!):

— Ишь ты!..— и добавил: — Иди!

Но другой член жюри спросил:

— Ты своё пальто надел?

В это время подскочил Вовка Ивин в моём пальто. И все члены жюри зароптали на своего придирчивого товарища, чтобы он не задерживал молодцов, которые чуть ли не самыми первыми оказались одетыми. И тогда член жюри тоже мне улыбнулся понимающе.

Я нашел Ваську и взял у него свою шапку.

— Извини,— сказал Васька,— в суматохе перепутал.

— Побольше бы таких соревнований,— сказал я,— тогда бы все мы быстро научились надевать свои собственные вещи, как военные по тревоге.

И Вовка согласился.

Потом я переделал свои ботинки, чтобы они мне больше не жали. Потом я отдал пальто Вовке, а Вовка Ивин отдал мне моё пальто.

Смотрю, а вокруг все меняются шапками, пальто, ботинками — настоящий базар устроили. И всё это под музыку. Подальше от жюри. Но всё-таки они что-то неладное заметили.

— Что там такое происходит? — спрашивают.

Светик Остров говорит:

— Ребятаки разгорячились и никак теперь успокоиться не могут.

Из жюри говорят:

— Ясно, ясно. Хорошие у вас, Остров, быстрые ребятаки.

Светик застеснялся, надо же! Слезу даже смахнул. Подбежал ко мне, руку пожал. И то же самое сказал: побольше бы таких соревнований, в другой раз не подкачаем.

— Ни за что не подкачаем в другой раз,— сказал я.

Вдруг объявили:

— Представителю шестого-а вручается победный приз!

И самодеятельный струнный оркестр со всех своих балалаек грянул марш в честь победителя.

И все захлопали.

И я тоже захлопал изо всех сил.

МАЛЬЧИК САНЯ приехал с мамой на дачу, и у него начались новые дни. Он беспрерывно носился с ребятами по пляжу, купался, играл, а к вечеру спрашивал маму:

— Что мне теперь делать?

Это был неутомимый мальчишка, он нисколько не устал.

Мама ему отвечала в таких случаях:

— А теперь ты отдохни.

От маминых слов он сейчас же убегал к ребятам, но ребята все разбредались по домам, и он продолжал играть сам с собой. С самим собой ему играть быстро надоедало, и он кричал маме в окно:

— А что мне теперь делать?!

Мама брала его за руку, приводила домой и укладывала в постель, но он сейчас же вскакивал и спрашивал со слезами:

— А теперь что мне делать?

Он долго не мог уснуть, вспоминая прошедший день: замечательный тёплый песок, зелёно-синее море, как он залезал в лодки, катера и представлял, что плывёт в дальние страны, хотя лодки и катера покачивались на привязи и никуда не плыли. Как он катался на велосипеде по тропинкам леса и даже налетел на дерево, но всё благополучно обошлось. Как он быстро и ловко промчался через рыболовецкий совхоз, куда вход категорически воспрещён. И многое, многое другое.

А утром начиналось всё сначала, и опять к вечеру он спрашивал маму:

— А что мне теперь делать?

И мама ему снова отвечала:

— Отдохни.

Но он не хотел отдыхать. Он сказал:

— Как жаль, что я не могу ходить на руках! Я вымыл бы в заливе ноги и пришёл на руках домой. И мне не пришлось бы дома мыть ноги.

— Тогда пришлось бы мыть руки, — сказала мама.

— Я мог бы вымыть руки дома, раз мне нечего делать. Хотя какая разница, что мыть.

После лета он приехал с мамой домой и сейчас же спросил:

— Что мне делать?

— Завтра тебе в школу, — сказала мама, — ведь ты хорошо отдохнул.

— Разве я отдыхал? — удивился Саня.

— Сейчас хоть отдохни, — сказала мама.

— Скорей бы в школу! — вздохнул он. — Тогда бы я знал, что мне делать! — И он побежал во двор к ребятам рассказывать, как он отдыхал летом.

Да отдохни ты, Саня!

Рис. П. Вискова

АРКТИЧЕСКИЙ ЯНТАРЬ

На побережье морей Северного Ледовитого океана мелкие зёрнышки янтаря находили и раньше, но находки арктического янтаря были бедными. Однако в последние годы геологи обнаружили новые места расположения окаменевшей смолы на берегах Белого и Карского морей. Особенно высокопродуктивная залежь янтаря открыта на материковой части Югорского полуострова.

Геологи считают, что это только первый шаг и что на Севере можно ждать новых находок.

«РЫБНЫЙ ДОЖДЬ»

Весной истекшего года на севере Австралии, в пятидесяти километрах от побережья, с неба на землю посыпались... рыбы. Окрестности скотоводческой станции Килларни оказались усыянными рыбой размером в среднем от 5 до 7 сантиметров.

Как раз в это время над морями, омывающими северное побережье Австралии, наблюдались тропические штормы. Возможно, как считают метеорологи, часть поверхностных вод океана оказалась всосанной в воздух вместе с её обитателями. Затем ветер перенёс влагу в глубь континента, где она и выпала в виде столь необычных осадков.

КИТ... В КВАРТИРЕ!

Житель нашего города Б. В. Скраливецкий собрал уникальную коллекцию, состоящую из более чем двух тысяч экспонатов. Здесь и меч-рыба, и голубые акулы, и кальмары, и осьминоги, и электрические скаты, и морской чёрт, и рыба ёж, и множество других обитателей подводных глубин. В коллекции насчитывается также более тысячи разнообразных раковин.

Предметом особой гордости коллекционера является чучело китёнка, которое он привёз из экспедиции к берегам Западной Африки на дизель-электроходе «Николай Зицарь», где он руководил практикой курсантов-мореходов.

НОВАЯ ШАХМАТНАЯ ИГРА

Один американский изобретатель-шахматист разработал новую шахматную игру, в которую играют одновременно три человека. Шахматная доска имеет форму шестиугольника и насчитывает 96 клеток. Каждый из игроков имеет такое же количество фигур, как и в обычных шахматах, но они окрашены в три разных цвета. Игроки делают ходы по очереди. Победителем считается тот, кто победит обоих партнёров.

МАРКИ ООН

Почтовое ведомство Организации Объединённых Наций с момента создания в 1951 году выпустило 321 марку общим тиражом один миллиард экземпляров. Их большая часть осталась в альбомах филателистов, и лишь 200 миллионов были использованы по назначению.

Интересно отметить, что марки ООН действительно только в том случае, если они отправлены из почтовых отделений при штаб-квартирах ООН в Нью-Йорке или Женеве.

...на болгарском черноморском курорте «Солнечный берег» началось строительство гостиницы... прямо в море, в 20 метрах от берега! Шестизатяжная гостиница примет первых посетителей в конце текущего года.

...деревья температурят! Американские учёные в результате длительных наблюдений установили, что у больных деревьев, как и у людей и животных, повышается температура. Следовательно, достаточно измерить её с помощью специального градусника, чтобы выявить больные деревья и вовремя оказать им помощь.

...по ночам грозы над суши гремят в десять раз чаще, чем над океаном, а среди океанов на первом месте по числу молний стоит Атлантический! Эти данные получены от американского искусственного спутника, который в течение восьми месяцев вёл наблюдения за грозами.

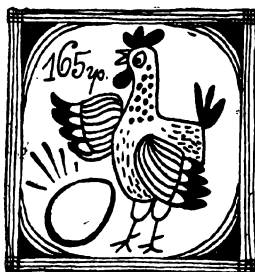
...самый длинный на земле висячий мост будет построен в Японии! Его длина (только висячей части) составит 1580 метров. Мост будет построен на магистраль, соединяющей город Кобе (остров Хонсю) с городом Наруто (остров Сикоку).

...29-летний американец Аллан Чадберн из города Орлине [штат Массачусетс] отправился через Атлантический океан в Европу на самодельной парусной лодке «Мечта»! Длина судёнышка — около 2,5 метра. Аллан рассчитывает достигнуть европейского берега за 60 дней, надеясь установить рекорд — пересечь Атлантику на одиночной мини-лодке.

...358 человек являются гражданами крохотного государства Ватикан, расположенного на территории итальянской столицы — Рима! Из них 33 кардинала, 201 священник, 63 офицера и солдата швейцарской гвардии, охраняющей Ватикан, и около 60 светских лиц. Почти все ватиканские граждане — мужчины.

...яйцо весом 165 граммов снесла курица породы «леггорн» на птицефабрике имени 50-летия СССР (Выборгский район нашей области)! Средний же вес куриного яйца — 56—60 граммов. Интересно, что когда яйцо вскрыли, внутри оказалось ещё одно весом 60 граммов. Как считают специалисты, это очень редкий случай.

...англичане супруги Портленд решили совершить необычное путешествие! На велосипеде они намерены пересечь ряд стран Европы и Азии и закончить свой прогреб в Индии. Взяв старт в ноябре прошлого года в графстве Кент, английская чета проехала уже добрую половину пути,

...в польском городе Сважендзе под Познанью создан музей пчеловодства! В музее собрано более 140 ульев. Самым старым из них пошла седьмая сотня лет. Музей расположен на открытом воздухе, и в большинстве экспонатов живут пчёлы. Так, в улье XIII века — огромном полене — живут четыре пчелиные семьи. В этом же музее есть гранитный памятник пчеле, единственный в мире.

...необычный фестиваль состоялся в деревне Сан-Августин вблизи филиппинского города Малабон! Многочисленные зрители познакомились с различными типами воздушных змеев. Особый восторг вызвали гигантские змеи, превышающие в диаметре три метра, управляли которыми около 20 человек.

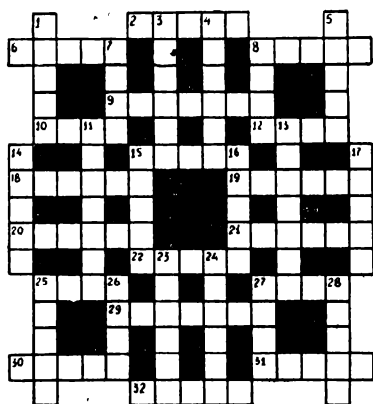

...пылинка весом до одной десятой миллиграмма способен «пересчитать» в воздухе электронный измеритель, созданный учёными нашего города! Он предназначен для определения концентрации пыли в производственных и жилых помещениях и позволит учёным составить рекомендации по улучшению условий труда.

...в районе Бая-Геркулане (Румыния) поймана двуглавая гадюка! Обе головы змеи функционируют автономно, а иногда даже противоречат друг другу. Находка находится под тщательным наблюдением румынских зоологов.

По горизонтали. 2. Философское учение о морали. 6. Сигнал. 8. Кинокартина. 9. Число. 10. Орфографический знак. 12. Минеральная краска. 15. Часть речи. 18. Широкий эластичный пояс, специальная повязка. 19. Помещение под кровлей дома. 20. Помещение для угля на судне. 21. Обратная сторона монеты. 22. Растение, содержащее

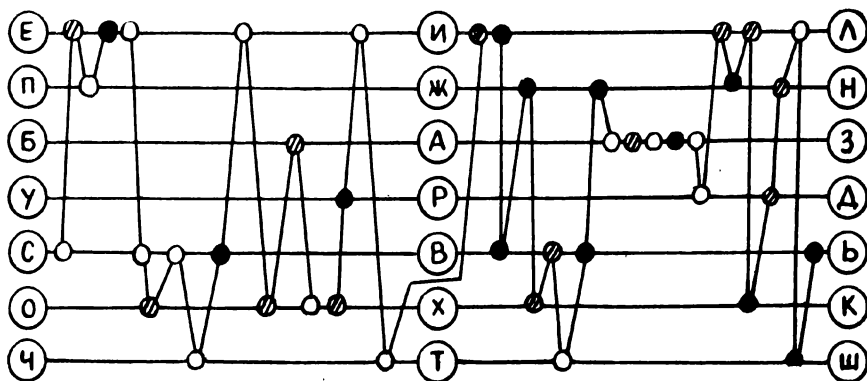
никотин. 25. Декоративный сосуд. 27. Город в РСФСР. 29. Приспособление для смягчения толчков при езде в автомобиле, вагоне и т. п. 30. Драматическое произведение. 31. Мера веса. 32. Последовательный ряд звуков, идущих в порядке определённого соотношения друг к другу.

По вертикали. 1. Упругая и твёрдая узорчатая сталь. 3. Взрывчатое вещество. 4. Наклонный типографский шрифт. 5. Метель. 7. Обособленное помещение в вагоне. 8. Снимок. 11. Литературное произведение. 13. Круговое движение в играх, танцах. 14. Выдающийся русский учёный. 15. Начало спортивного состязания в беге. 16. Литературное произведение. 17. Соединение вещества с кислородом. 23. Выступ здания, полукруглый, гранёный или прямоугольный в плане. 24. Автор, который скрывает свою фамилию. 25. Танец. 26. Музыкальный инструмент. 27. Типографский сплав. 28. Время года.

ПОСЛОВИЦА

Для того чтобы прочесть текст пословицы, прежде всего надо разбраться, к какому из вертикальных рядов букв относятся чёрные, белые и заштрихованные точки...

Следуя линии, соединяющей их, вы прочтёте пословицу.

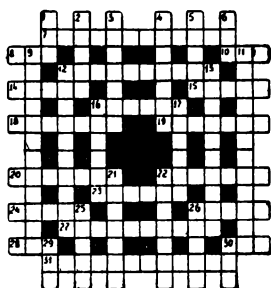

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 8)

КРОССВОРД

Решение смотри на рисунке.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Завоеватель.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ШИФРОВАНИЕ

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор.
Теперь послушаем украдкой
Героев наших разговор.

ПЛЕТЁНКА

Договор, касатка, маслята, станция,
повесть.
Хворост, клиника, аксиома, бала-
ган, водопад.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Все слова группы обозначают кон-
кретные понятия; исключение — сло-
во «аксиома».

ХОДОМ КОНЯ

По соломе жита не узнаешь.

Содержание

«Догорели походные наши кост- ры...» Стихотворение Е. Голуб- ковой	1
Танки на пьедесталах. Статья Э. Миронова	2
О верных спутниках. Оконча- ние документальной повести М. Черкасского	4
Как делают утро. Стихотворе- ние Олега Бундура	17
Тень. Стихотворение Вольта Су- слова	18
Товарищ трамвай. Очерк Эд. Аренина	19
Странные листья. Из мухи — слона. Стихи В. Нестерова	23
Чуть-чуть — считается. Продол- жение повести К. Курбатова	24
Бой с тенью. Рассказ М. Де- миденко	33
Странная история. Стихотворе- ние Олега Тарутина	46
Откуда на свете летучие мышь? Саяны. Стих не вышел. Стихи Тани Гаенко	47
Медведь и повар. Рассказ Н. Т. Черниговского	48
Невидимая работа. Статья А. Шибаева	51
Соревнования. Отдохни, Саня! Рассказы Виктора Голявкина	58
Цётрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки: «Зовёт
огромный мир знаний». Рис.
Ю. Шабанова.

На 2-й странице обложки: «Ро-
ждение нового вулкана на Кам-
чатке». Фото ТАСС

На 3-й странице обложки: «Рель-
сы, рельсы, рельсы...»

На 4-й странице обложки: «Не тот
друг, который гуляет, а тот, кто
спасает». Рис. Ю. Бочкарёва.

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

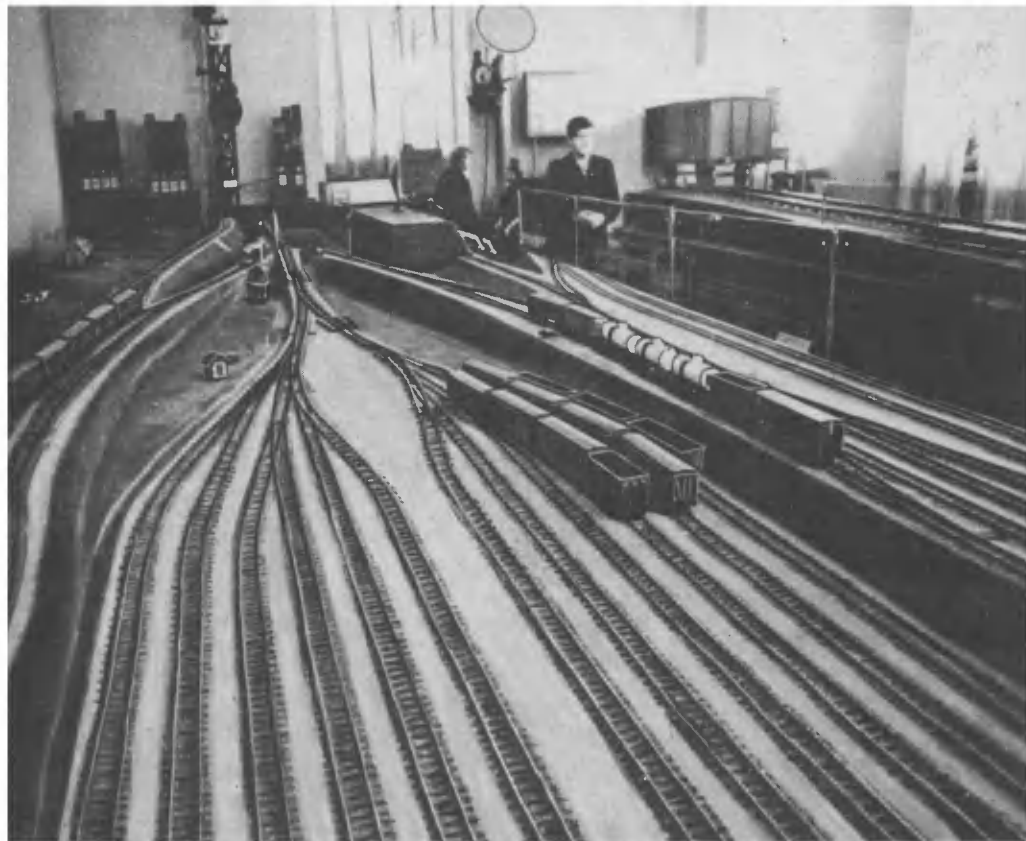
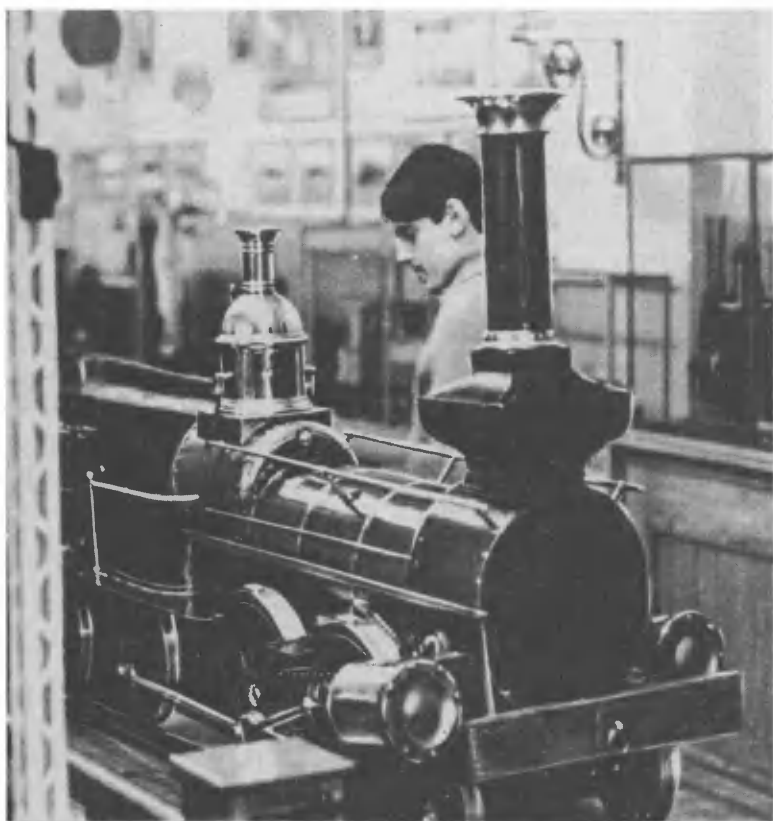
Редактор-составитель И. И. ТРОФИМКИН

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 24/VII 1975 г. Подписано к печати 10/IX 1975 г. 4 п. л.
М-26406. Зак. № 271. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 60 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
Ленинград, Фонтанка, 57.

НЕ ПОШЕДЬ ДРУГ, КТО НА ПАРУ

А ИЩЕ, КТО В БЕДЕ ПОМОЖЕТ!